

Галина ЕВСТИФЕЕВА

ВЕТЕР ВЕРЕСКОВЫХ ПУСТОШЕЙ

14+

@ЭЛИТА

Галина Евстифеева

Ветер вересковых пустошей

Электронное издательство "Аэлита"

2013

Евстифеева Г.

Ветер вересковых пустошей / Г. Евстифеева — Электронное издательство "Аэлита", 2013

Роман «Ветер вересковых пустошей» рассказывает о жизни древних славян в 8–9 веке н. э. – в этот период на Руси появляются первые государственные образования, созданные под влиянием культуры норманнов. Героини романа – дочери норманнского воина, который построил на Руси свой град, пытаются выжить в трудный год славянских восстаний против чужеземцев. Две сестры, что с детства ненавидели друг друга, объединяются в борьбе за свою жизнь, любовь и счастье в это непростое время. Выстоит ли град их отца, сумеют ли сёстры забыть былые обиды и обрести долгожданный покой?..

© Евстифеева Г., 2013

© Электронное издательство
"Аэлита", 2013

Содержание

Пролог	6
Часть 1	7
Глава 1	7
Глава 2	17
Глава 3	21
Глава 4	24
Глава 5	28
Глава 6	31
Глава 7	34
Глава 8	38
Глава 9	41
Глава 10	45
Глава 11	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Галина Евстифеева

Ветер вересковых пустошей

© ЭИ «@элита» 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Пролог

Становление Российского государства имеет длительную историю. Первые наиболее развитые общественно-политические образования появились на Руси примерно в конце VIII – начале IX веков. Сформировались эти образования под влиянием чужой навязанной культуры, культуры норманнов. Раннее государственное образование русов середины IX века было, по мнению большинства историков, изучающих Древнюю Русь, союзом военных предводителей викингов – конунгов, объединившихся для войны с соседними государствами.

После успешных походов, предводители норманнов, получив богатую добычу, чаще всего покидали свои стоянки на Руси и отправлялись домой в Скандинавию. Однако в более редких случаях норманны оставались на территории Руси и пытались создать более прочные государственные образования, которые начали превращаться в столицы конунгов и их княжеств. Норманны добивались прочного подчинения славянских земель там, где им удавалось привлечь на свою сторону местную знать. Начался процесс ассимиляции норманнов славянским населением, князья имели возможность заключать династические браки, рядовым воинам приходилось выбирать жён из окружающей их славянской среды. Предводители норманнов отказались от титула «хакан» в пользу титула «князь», каким славяне издавна именовали своих старейшин и военных вождей.

Во второй половине IX – начале X в. на Восточно-Европейской равнине утвердились десятки конунгов. Исторические документы и предания сохранили имена лишь нескольких из них: Рюрика, Аскольда и Дира, Олега и Игоря.

Часть 1

Глава 1

Квитень 861 год н. э., Северная Русь, Торинград

Много в подлунном мире прекрасных мест, но одно из самых красивых – Русь, с её раздольными полями, половодными реками, непроходимыми лесами. За долгие лета многое видела земля русов, многое снесла, было что и голову свою буйную преклоняла перед чужаками, но не покорила навеки никому. Часто засматривались заезжие молодцы на землю русскую, а бывало, и сердце своё отдавали ей, почитали, как родную, принимали богов славянских и поклонялись им от всей души. И тогда Русь благосклонно принимала таких молодцев, одаривала богатствами, коих испокон веков на земле русской было достаточно. Видела Русь-матушка и воинов чужеземных, жестоких и сильных, что несли смерть её сыновьям, и тогда кровавыми слезами оплакивала она погибших.

Для воина, что обласкан милостью богов, есть лишь одно в подлунном мире счастье – биться за родную землю в жестокой сече. Такие воины никогда не становятся властителями земель, ибо для них счастье не в подчинении людском, а в бурлящей в венах жажде битвы.

Но есть и другие мужи, что считают склонённые перед собой в поклоне головы счастьем и предназначением богов именно им, тем, которые хитростью и коварством завоёвывают просторы. Только такие мужи могут здесь, на этой прекрасной и дикой земле, не боясь гнева богов, построить свой град.

Север Руси испокон веков считался суровым, лютым краем, где приживаются лишь самые смелые, отчаянные и бесстрашные воины. Ибо боги славянские часто обрушивают свою немилость на здешние земли: то дуют холодные, продирающие до костей ветра, от которых не спасают даже тёплые плащи на меху, то морозы стоят такие, что диву даешься, то засуха иссушает землю здешнюю.

Торинград, что некогда находился на северных просторах Руси, располагался на хорошем месте: совсем рядом тихая речная заводь, сам град стоял на небольшом возвышении, что облегчало службу дозорным, ибо неприятель был виден задолго до приближения к стенам крепости.

В Торинграде с приходом весны стаивали снега, и везде, куда ни кинь взгляд, была грязь, тёмно-коричневая, вязкая, липкая, сквозь которую кое-где проглядывали пучки прошлогодней травы. Ветра ещё дули лютые, промозглые, но людское сердце уже ждало тепла. Весна-красна пришла ранняя, румяная, обнадёживающая, и все – начиная от князя, до последней чернавки, считали сие благим знаком, показывающим расположение богов. Казалось, с каждым вздохом весной пахнет больше, небо лазурно-голубое, чистое, без единого облачка, стояло высоко над головой и, вроде, даже стало выше.

Эта зима в Торинграде была особо суровой и морозной, буревой дул беспрестанно, немало жизней унесли холодные месяцы, поэтому весь люд торинградский радовался пригревающему землю солнышку. Ещё немного – и придёт время пахать чёрную плодородную землю и сеять зерно. Скоро будет лето – время, позволяющее приумножить богатство, сделать хорошие запасы на зиму, если, конечно, трудиться не покладая рук. А то, что в Торинграде лентяев не жаловали – факт известный всей Северной Руси, князь Торин безжалостно выгонял нерадивых работников. Но те, кто трудился на совесть, жаловаться на князя поводов не имели. Ибо князь Торин был суров, но справедлив, суд вершил по правде, податями непосильными людей не облагал, дружине своей лютовать, девок портить, не давал.

Так что жил народ в Торинграде хорошо, зажиточно, князя своего уважал, но не любил. Ибо память у народа длинная, помнили люди, как пришёл князь Торин на землю их пращуров, сколько крови людской пролил не ради славы ратной, а для подчинения земли русов. Но битвы и сечи – дело хорошее, однако жить люду хочется мирно, растить детей и радоваться каждой весне, и ежели мир и покой даёт чужестранец, видимо, такова воля богов.

Князь Торин, если и догадывался об истинном отношении к себе торинградского люда, вида не подавал. Ведь много есть разновидностей счастья людского, но для князя Торина высшим счастьем на земле этой бренной был княжеский престол. Он отвоевал его в сече лютой, и за шестнадцать солнцеворотов возвёл свой град, свой Торинград, свою отраду и гордость. И не было для князя Торина приятнее зрелища, чем крепкие стены Торинграда, вспаханные и засеянные поля, амбары, полные шерсти овечьей и осознание того, что всё это богатство его.

Князь Торин был уже немолод, но старость ещё не заявила на него свои права. Морщины бороздили его лоб и щёки, но волосы ещё были русыми, хотя кое-где в княжеской шевелюре проглядывали серебряные нити. Было во всём его облике что-то чужеземное, не славянское, и каждый, кто его видел, не сомневался, что перед ним норманн. Хотя за долгие годы, проведённые на Руси, князь Торин сильно изменился: перенял славянских богов, одежду, волосы стал стричь коротко, в осанке появилось что-то княжеское, прямое, благородное. Единственное, что осталось неизменным – глаза, серые холодные жестокие глаза, в которых никогда не бывает сочувствия и сострадания к ближнему.

Может быть, именно из-за этих жестоких стальных глаз ни одна баба в Торинграде не хотела оказаться на месте княгини Марфы – жены князя. Что-то было во внешности Торина такое, что отваживало от него женщин, ни одна девка теремная не пыталась завлечь господина. Они обычно сторонились князя, старались не попадаться ему на глаза, а те, кого избирал сам князь, вопреки всему считали это не честью, а страшной повинностью.

Каждый день объезжал князь Торин свои владения – это был особый ритуал для него, словно каждым новым днём в зыбкой утренней дымке он подтверждал свои права на эту землю. Завидев вдали его статную, ладную фигуру на гнедом жеребце по кличке Ветер, люд начинал кланяться в пояс князю, ибо, если проявить недостаточное почтение, князь может осерчать, а гнев его никто не хотел испытать на себе.

Это погожее весеннее утро не стало исключением: князь Торин в сопровождении двух своих рынд объезжал земли торинградские. Рынды следовали на почтительном расстоянии от князя, их присутствие было вызвано скорее желанием князя Торина подчеркнуть свою важность, нежели необходимостью. За все шестнадцать солнцеворотов ни единого раза никто не покушался на земли Торина, а тем более на его жизнь, но князя это нисколько не убеждало в безопасности, он всегда ждал вражеского нападения.

Гнедой жеребец князя Торина – Ветер – увязал копытами в грязи, поэтому ехать приходилось медленно. Наверное, эта медлительность заставила князя Торина задуматься о былом времени, о прожитых годах и вспомнить долгий и трудный путь к престолу княжескому.

Человеческая память – штука странная, со временем из неё стирается всё плохое и вспоминается только добро, что было в жизни твоей, начинаешь иначе смотреть на события, что происходили с тобой в разные лета. Может быть, поэтому князь всё чаще вспоминал о родине – далекой и холодной Норэйг, о доме, где он вырос и где хозяином был его отец – конунг Борн Хмельной, и тоска сжимала сердце князя Торина холодной рукой.

* * *

Торин Борнсон – пятый сын конунга Борна Хмельного, родился в Согне и с детства всей душой полюбил отцовскую землю, полюбил настолько, что больше всего на свете желал быть на ней хозяином, правителем, конунгом. Но шанс стать наследником отца для млад-

шего сына мизерен настолько, что даже сам Торин понимал – не сменить ему отца в кресле конунга. Однако лукавые Норны именно Торина, младшего сына конунга Борна, наделили редким даром правителя.

Двор конунга Борна Хмельного не был ни богатым, ни даже зажиточным, ибо сам конунг имел в жизни только две пламенные страсти: славные сечи и пиры. Жёны настолько боялись своего непредсказуемого жестокого супруга, что лишний раз не смели взор обратить к нему, ибо неведомо было, как отреагирует на это конунг Борн. Если остальные мужи во хмелю становились добрее, мягче, то конунг Борн напротив, испив браги, становился пугающе жесток и злобен, ему ничего не стоило снести ударом меча голову нерасторопной рабыне, избить пристально посмотревшего на него раба.

Полученный Борном от отца двор скоро пришел в запустение, но его это волновало мало. И разве истинного берсерка может волновать такая мелочь, как протекающая крыша, голодные, больные рабы, штопаные платья жён? Это всё мелочи, составляющие жизнь воина в перерывах между битвами, набегами, да пирами.

Глядя на это, Торин мечтал, грезил безудержно о том, как бы он навёл порядок во дворе отца своего. Но этим желаниям не суждено было сбыться. Ночь за ночью младший сын конунга просил богов о том, чтобы погибель забрала его братьев. Как он желал этого! Тысячи раз маленький Торин представлял, как будет изображать скорбь по братьям, но мечтам его не суждено было сбыться.

С того дня, как Торину исполнилось пятнадцать зим, он начал ходить в походы в составе хирда конунга Рагнара Весёлого. Каждый раз, отправляясь в набег в чужие земли, Торин надеялся вернуться в дом, где мужчин станет меньше. Но тщетно: смерть обходила стороной двор Борна Хмельного.

К двадцати годам Торин накопил немалые богатства, в набегах он отличался такой жадностью и алчностью, что была несвойственна викингам. Если другие воины бросали всё, заметив среди побеждённых женщину, то сын Борна Хмельного продолжал грести золото. Именно благодаря корысти Торин возвращался всегда богаче двух своих братьев, что ходили в набеги вместе с отцом. Но сами походы не вызывали в сердце Торина сладкой пьянящей радости, не заставляли быстрее бежать кровь по жилам. Нет, Торин не был великим воином, и только благодаря милостивым Норнам выжил в походах.

С годами Торин уразумел, что чудес на свете не бывает, что боги не на его стороне и никогда не стать ему наследником отца своего. Сие открытие далось Торину весьма нелегко, с болью в сердце осознал он, что не наступит для него то благодатное время, когда на родной и любимой земле его назовут конунгом. Однако самым главным открытием юных лет Торина стало не это, а отчётливое осознание того факта, что не сможет он быть хирдманном своего старшего брата, не сможет глядеть, как наследник отца займёт кресло конунга Борна Хмельного во главе длинного стола в общем зале.

Торин по молодости лет нуждающийся в поддержке близких людей, был не понят братьями, для них он оставался младшим и немного безумным братом. Ведь он грезил о власти, тогда как истинный воин, сын берсерка, должен испытывать радость, лишь отсекая головы врагам. Торин, отчаявшийся найти понимание среди близких людей, начал сводить знакомство с другими хирдманнами. Братьев же Торин навсегда вычеркнул из сердца, они стали для него чужаками.

В одном из следующих походов Торин свёл знакомство с Фарлафом Лидулсоном и Ингельдом Гудисоном, оба они были младшими сыновьями своих отцов, и так же, как Торин, мечтали о власти и богатстве. Удивительно распорядились боги норманнские, сведя вместе троих честолюбцев, что не знали ни жалости, ни любви, а лишь насущную, затмевающую всё для них жажду власти над людскими судьбами, над широкими просторами земли.

Вскоре троица стала неразлучна, без устали рыскали Торин, Фарлаф и Ингельд по чужим землям в поисках наживы, злата, что давало им крошечную надежду на безбедную жизнь. Однако эти трое не сразу стали закадычными приятелями, первое время они друг другу не доверяли и ждали предательства. Но годы, проведённые вместе в набегах, сделали своё дело, Торин, Фарлаф и Ингельд стали лучшими друзьями и довольно зажиточными мужчинами. Они принимали друг друга такими, какие есть, трезво оценивая моральные качества друзей. Эта троица понимала друг друга без слов. Рождённые разными отцами, они волей богов были одной крови, непомерное стяжательство, хитрость, честолюбие, корысть – вот что отличало их от обычных воинов.

Однажды, придя из очередного набега, Торин с товарищами попал на пир к конунгу Ульву Смелому, который на весь Гаутланд славился своей отвагой, мудростью и гостеприимством. Попасть к нему на пир считалось честью для воина, знаком, что хирдманн замечен богатыми конунгами и для викинга появляется возможность попасть в хирд богатого правителя.

Двор конунга Ульва Смелого считался одним из самых богатых дворов в Норэйг: там варили лучший мед, подавали вкуснейшие кушанья, самые пригожие рабыни прислуживали викингам на пирах. А сам дом конунга был просто огромен: к просторному общему залу были пристроены альковы, большая кухня, женская половина с кладовыми и ткацкой.

Торин, впервые попавший в столь богатый двор, смотрел на всё в немом восхищении. Именно в тот момент Торин понял, что приложит все усилия для того, чтобы жить так, как Ульв Смелый. Он будет искать землю, на которой построит свой двор, ради этого будет беспощадно лить чужую кровь. И когда-нибудь будет внушать всем вокруг такой же страх и уважение, какой сейчас испытывает люд, глядя на конунга Ульва Смелого.

Однако не зависть к жизни Ульва Смелого, не восхищение его двором, сделали тот пир для Торина незабываемым. Нет, причина была совсем в ином. На том памятном пиру Торин впервые увидел жену Ульва Смелого, и навсегда отдал ей своё сердце, ни одна женщина до этой встречи, и ни одна после неё, не смогла в глазах Торина сравниться с женой конунга Ульва.

Казалось, будто сама Фрейя спустилась в подлунный мир и живёт в этом доме. Торину почудилось, что Суль не ступает по полу, а парит над ним. Глядя, как она подносит мужу рог, полный мёда, Торин понял, что нет краше неё женщины не только во всей Норэйг, но и во всём подлунном мире. Волосы цвета тёмного мёда струились по спине, перехваченные по норманнскому обычаю у затылка золотой лентой, вокруг гладкого лба вились тонкие пряди, брови, словно полумесяцы, изгибались над чёрными, словно христианский ад, глазами, и губы алые, к поцелуям зовущие, улыбались немного насмешливо.

Наклонившись, передала Суль рог с мёдом мужу своему, и заблестели её волосы в свете факелов червонным золотом.

О боги, разве можно было назвать её иначе? Нет, только Суль, солнечная, прекрасная, манящая женщина.

И только стоя возле плеча Ульва, ожидая, покуда он допьёт мёд из поднесённого ему рога, Суль выпрямилась и бросила на Торина лишь один взгляд, который тот пронёс через всю жизнь в своём чёрном сердце. Суль посмотрела на молодого воина оценивающе, как смотрит женщина лишь на понравившегося мужчину, не замечая более никого из сидящих за столом мужчин. Посмотрела, изогнула губы в насмешливой улыбке, словно осталась довольна увиденным, будто превзошёл Торин её долгие, томительные ожидания.

Каково же было удивление Торина, когда он увидел, что восхищённо на жену конунга Ульва Смелого смотрит только он один, бывалые хирдманны отводили глаза и даже не смотрели в сторону Суль. А она, презрительно кривя губы, оглядывала их, словно строгий и безжалостный хозяин своих псов. Переводя взгляд с одного хирдманна на другого, Суль, казалось, забавлялась их смущением и неприязнью, полные губы её изгибались в полуулыбке, больше похожей на оскал.

Прояснилось всё вечером, когда конунг Ульв Смелый удалился в свою одрину, а воинам в общем зале на полу постелили матрацы, набитые свежей пахучей соломой. Разгорячённые мёдом и пивом викинги стали разговорчивее, рассказы о походах и набегах, мечях, злате и женщинах лились рекой. Так речь зашла и о Суль. Казалось, что в тот момент бравые вояки даже протрезвели, как-то съёжились и испуганно переглянулись между собой. Жену конунга Ульва Смелого викинги величали не иначе как «наездницей волка», красоту её считали проклятием мужским, ибо боги, видимо, проглядели, когда наделили её такой пригожестью, а за дела её, богам противные, считали, что закидать Суль камнями надобно, либо с обрыва крутого в ледяной фьорд скинуть.

На все изумлённые вопросы Торина ему и пояснили, что Суль – дочь богатого торговца рабами, что боги дали ей проклятие страшное – она была самой настоящей ведьмой – готовила яды, зелья и отвары, читала грядущее по рунам, насылала болезни. Все викинги сходились на том, что убить Суль должен был ещё её отец, когда прознал о способностях единственной дочери. Но он не отправил Суль в Хель, а, видя невероятную красоту дочери, решил, что удачно выдаст её замуж и получит богатый мунд. Так оно и вышло.

Стоило только наследнику конунга Танкреда Харальдсона, Ульву, мельком увидеть на рыночной площади Суль, как пленила она его сердце на всю жизнь. Хирдманны, не веря в столь пылкую любовь, сделали простой вывод – околдовала, приворожила Суль Ульва. Красива она, конечно, но разве мало на норманнской земле прекрасных и достойных женщин? Отнюдь. Почему же именно проклятую Суль избрал Ульв в законные жёны? Видимо, воля его была полностью подчинена этой женщине.

А потом случилось то, что заставило утихшие разговоры о жене Ульва вспыхнуть с новой силой – Суль слишком рано после свадьбы родила дочь, настолько рано, что бессмысленно было утверждать, что Виллему – дочь Ульва. И опять случилось странное – конунг простил жену свою, признал чужого ребёнка своим, но, однако, не полюбил. Во дворе Ульва Смелого ни для кого не было секретом, что конунг хочет поскорее выдать дочь замуж, дабы избавиться от постоянного напоминания о неверности и коварстве жены. Суль больше не понесла ни разу, хотя все знают, что призывается она мужем на супружеское ложе часто.

Но главное, за что не любили Суль хирдманны, это за её способность насылать гнилую болезнь на людей. Сколько воинов она погубила! Стоило только прознать Суль о том, что кто-то шепчется за её спиной, зовёт «наездницей волка», предлагает закидать камнями, как заболел этот хирдманн гнилой болезнью. Стоило лишь воину выразить таившуюся в сердце неприязнь к Суль, как подстерегала смерть нежданная и негаданная бравого хирдманна.

От всего услышанного не по себе стало Торину, но, как ни странно, Суль не стала нравиться ему меньше, нет, Торин был окончательно покорён. Ибо всегда людей влечёт всё непонятное и таинственное, а в Суль загадок было больше, чем во всех ранее встреченных Торинем женщинах, вместе взятых. Женщины, что встречались ранее на жизненном пути Торину, были либо запуганными рабынями, что боялись взглянуть на него, либо дочерьми соседних конунгов, что скромно опускали глаза, показывая свою добродетель. И впервые в жизни ему встретила женщина сильная, жестокая и совершенно не похожая ни на кого. Стоило Торину закрыть глаза, как перед ним вставал образ женщины с волосами цвета злата, и чёрными горящими пугающими глазами.

Фарлаф и Ингельд, видя блеск в глазах Торина, стоило лишь кому-нибудь произнести имя Суль, только головой качали. Ни одному из них Суль не показалась неотразимой. Да, она красива, но сердце у неё чёрное, жестокое, не женское. Но сказать ничего не смели, ведь столько воинов было в общей зале, столько посторонних людей.

А по утрам Торин сделал свой главный шаг на пути к княжескому престолу в далекой Руси, правда, тогда он не догадывался об этом, – сын Борна Хмельного испросил разрешения жениться на дочери конунга Ульва Смелого.

Ульв дал богатое приданое за Вилемму, так сильно хотел избавиться от каждодневного напоминания о вероломности жены. Это приданое и дало Торину возможность снарядить собственный поход и нанять хирдманнов. В этот раз он планировал набег на восточные земли, там, где находились владения славянов, Гардар.

Виллему... Как можно назвать ребёнка Виллему? О чём думала Суль давая дочери столь чудное имя? Это осталось тайной как для Торина, так и для самой Виллему. Она была красива смуглой восточной красотой: тёмно-каштановые волосы, карие глаза смотрели кротко на мужа своего, кожа словно персик, пухлые губы. Тихая, добрая, нежная Виллему, бесспорно красивая, но она не могла сравниться со своей обворожительной матерью, силы были слишком неравны. Выросшая во дворе, где отец её не жаловал, Виллему так надеялась на счастливую супружескую жизнь.

Ночь после свадьбы Торин не забудет никогда, сколько бы лет ни прошло, сколько бы женщин он ни познал, сколько бы супружеских пиров ни сыграл он. Та ночь, словно калёным железом выжжена в его памяти, воспоминания о ней всё чаще с годами посещают его. Как часто, будучи уже князем Торинграда, молил он богов вернуть ему ту счастливую ночь, но время даже боги не могут повернуть вспять.

Торин проснулся от смутного чувства беспокойства, посмотрел на спящую жену, и по привычке, приобретённой в дальних походах, сохранившей ему жизнь уже ни один раз, взялся за кинжал и вышел из одрины, отведённой им с Виллему. В общей зале, среди спящих воинов, стояла Суль, волосы её, цвета тёмного золота, в беспорядке струились по плечам, льняная рубаха у ворота была собрана слабо и открывала длинную красивую шею, белые ключицы.

– Пойдём, – улыбнувшись томной улыбкой, прошептала она Торину, и поманила за собой на улицу.

И Торин, словно ребёнок, послушно пошёл за ней в большую баню, стоящую в отдалении от дома. Там, заперев за собой дверь, Суль скинула с себя рубаху, ослепив его белизной гладкой кожи, мягкими изгибами прекрасного тела, протянула к нему белые тонкие руки, страстно целовала его. А он стоял сначала, словно громом поражённый, но отвергнуть её не смог. Вот так променял Торин брачную ночь с молодой женой на часы, проведённые с её матерью, за которые не сказали они ни слова друг другу.

А наутро Торин и его покорная жена покинули двор конунга Ульва Смелого и уехали в Согн, во двор конунга Борна Хмельного. В отцовском дворе оставил Торин Виллему, а сам начал готовится к набегу на Гардар. И одно лишь терзало сердце молодого мужа, что Суль не вышла проводить их с Виллему в дорогу, неужели так быстро забыла она его, а, может, ревновала к дочери? О жене своей Торин уже позабыл.

Так Торин и Фарлаф оказались на своей земле (Ингельд, к тому времени, вернувшись из Гаутланда, узнал, что его отца и братьев свела в Хель лихорадка). На Руси викингам было любо: люди здесь жили смелые, работающие, к чужеземцам радушные. Да и всё необходимое для того, чтоб обосноваться здесь у друзей-норманнов было: золото в кожаных мешках, меха, трепли, хорошо вооружённый и натренированный хирд. Но самое главное – и у Торина, и у Фарлафа была решимость и огромное желание иметь свою землю, это и стало залогом их победы.

По правде сказать, две недалеко стоящие друг от друга славянские крепости не имели шансов устоять под напором сил противника, для этого они были слишком плохо укреплены, имели мало людей, а ещё меньше воинов, способных противостоять закалённым в набегах норманнам. Но, к удивлению викингов, славяне бились насмерть, они не отдали даром свою землю, много крови, и славянской и норманнской, было пролито в те чёрные дни. Но исход битвы был очевиден, победили, как и всегда, сильнейшие, ими оказались Торин и Фарлаф.

Сразу после захвата крепости, Торин, для укрепления своего положения среди славян, взял в жёны дочь убитого воеводы – Марфу, девицу миловидную и покладистую. Она чем-то напоминала ему Виллему, не внешностью, разумеется, а покорным взглядом серых глаз да

молчаливостью. А Торину хотелось иметь такую жену, как Суль: смелую, красивую, страстную, капризную. Но, видимо, ему было это не суждено.

И началось строительство двора Торина, целых десять солнцеворотов без устали перестраивал Торин крепость, доставшуюся ему с таким трудом, и мало-помалу появился новый град на Северной Руси – Торинград. Град, в котором он стал именоваться гордо – князем Торинном!

Сколько испытаний выпало на долю Торина в первое полюдье! Чего стоило ему отдать меха, да золото, оставшееся у него с давних набегов, приехавшему к нему князю! Но скоро всё окупилось. Спустя солнцеворот полюдье уже не вызывало у него дрожи, Торин укрепил своё положение среди правителей Северной Руси и вскоре сам ходил на сбор дани с близлежащих поселений.

Через десять солнцеворотов после памятного прихода на землю славян, укрепив свою власть, Торин решил съездить в родной дом, в область Согн, привести золото, накопленное в ранних походах, и Виллему. К тому времени Марфа родила ему дочь – Прекрасу и сына-наследника – Митяя.

Только вернувшись в родительский двор, которым правил теперь его старший брат, Торин узнал, что Виллему умерла в родовой горячке, оставив ему дочь – Горлунг. Торин не горевал о жене своей первой. Сказать по чести, он и помнил её с трудом, как и не особо радовался тому, что у него есть старшая дочь. Если б был сын – другое дело, а дочь – это так...

Но главной новостью для Торина было то, что Суль, прознав о смерти дочери, приехала и забрала внучку, и, зная слухи, что ходили по Норэйг о жене конунга Ульва, никто не посмел перечить ей. Даже конунг Борн Хмельной, что в то время был ещё жив, не сказал ни слова этой женщине, лишь сторонился гости.

Вот так и пришлось Торину встретиться с Суль во второй и последний раз в жизни. Как хотел он увидеть Суль, и как боялся! Страшился увидеть её, не пощаждённой временем, старой и носящей лишь следы былой красоты, и как желал он увидеть её вновь, ведь ни одна из женщин, которых он встречал до неё или после, не могла сравниться с блистательной и неповторимой Суль.

Суль ничуть не изменилась, видать, она была и взаправду ведьмой – решил про себя Торин. Волосы были всё того же редкого цвета, морщины не коснулись чела её, а глаза – ох, уж эти глаза! – беспокойные, страстные, чёрные, сияли торжеством.

Прекрасная, словно сама Фрейя, спустившаяся в подлунный мир, встречала его Суль за руку с внучкой. Маленькая худенькая девочка, с волосами чёрными, словно крыло ворона, и глазами тёмными, как сама погибель, смотрела на него, не мигая, не выказывая ни страха, ни почтения. Единственная схожесть между внучкой и бабкой была в цвете глаз, в бесстрашном, прямом взгляде, но Торин этого не заметил, он смотрел лишь на Суль. Не обратил внимания новоиспечённый князь и на то, что все: прислужницы, хирдманны, жёны хирдманнов, и даже дети, сторонились его дочери.

И не было для Торина радостней известия, чем новость о том, что хозяин двора на охоте. Глядя на Суль, торинградский князь понял, что ночью он займёт хозяйскую одрину и место рядом с хозяйкой на перине пуховой.

В ту ночь, лёжа подле Суль, Торин думал о том, что всемогущие Норны причудливо заплели нити его судьбы, ведь он получил всё, что желал, всё, кроме Суль. Кроме этой непонятной, загадочной и прекрасной женщины, которая не сказала ему и нескольких слов, но заняла его мысли навсегда. И вправду ведьма.

Не Суль родила ему детей, нет, но в Горлунг есть и её кровь. Торин видел, что девчонка чем-то похожа на него: тот же нос с хищно вырезанными ноздрями, упрямый подбородок, но не мила она ему с первого взгляда, не мила. Что-то было в ней такое, холодящее кровь, что-то непонятное, что роднило её с Суль. Но если в Суль была приятная загадка, будоражащая вооб-

ражение, вызывающая страстное желание подчинить её, разгадать, то Горлунг просто вызывала неприязнь.

Торин старался вспомнить, было ли что-то такое непонятное в Виллему, но нет, она было просто девкой, такой же, как Марфа, пустой. Не Суль.

И, поглаживая круглое белое плечо лежащей рядом женщины, Торин спросил первое, что пришло ему на ум:

– Кто был отцом Виллему?

Суль посмотрела на него с удивлением, а потом, лениво улыбнувшись, сказала:

– Мужчина, – немного помолчав, добавила, – хазарский воин, попавший в плен... У него была кровь хорошая.

– Кровь хорошая? – переспросил Торин.

– Да.

Торин смотрел на прекрасную женщину, лежащую рядом с ним, на её разметавшиеся по подушке волосы, на тонкие руки, и думал о том, что, видимо, боги, лишили её разума.

– Ты думаешь, я – безумна? – спросила Суль. – Нет, я в добром разуме. Каждому из нас всемогущие боги дают свою дорогу в подлунном мире, свою участь. Мне выпала великая честь влить новую кровь в свой род знахарок и целителей, и эта кровь даст силу основать новый род, род потомственных ведьм, сильных, могущественных, которым не будет равных. Я это знала всегда, ибо неспроста мне – дочери простого торговца рабами, всемогущие боги дали два дара: видеть грядущие, читая руны, и понимание трав.

– Этих твоих способностей все боятся, ибо применяешь ты их не в угоду людям, – зло заметил Торин.

– Люди, угода людям, – передразнила его, смеясь Суль, – для людского рода я сделала самое главное: воспитала родоначальницу нашего рода – Горлунг.

– Горлунг? – удивлённо спросил Торин – мою дочь?

– Да, твою дочь, мою внучку, ту, ради которой я жила и... выживала, столько лет борьбы, столько бесконечно долгих зим, столько сил было положено на это, но я была вознаграждена богами сверх всякой меры. Горлунг стоила всех этих жертв, – задумчиво сказала Суль, садясь на ложе.

Внезапно Торин увидел перед собой не ту блистательную, прекрасную, непостижимую женщину, что вызывала дрожь желаний в каждой частице его существа. Перед ним сидела совсем другая Суль, уставшая, умудрённая опытом, затравленная, что не знала покоя ни одно мгновение в жизни. Боги дали ей тяжёлую ношу, и жена Ульва несла её, гордо выпрямив спину, чтобы никто не догадался, как тяжела она. В этот краткий миг Торин познал истинную природу Суль больше, чем когда-либо понимал её Ульв.

Но в тот же миг Суль словно подобралась вся, лицо её вновь стало непроницаемым, спокойным и немного насмешливым. Теперь она смотрела на Торуна зло, словно корила за то, что на краткий миг он увидел её истинное лицо, понял всю тяжесть её невесёлой тяжёлой жизни, в которой не было место ни ласке, ни любви, ни счастью, у неё была лишь цель.

– Не понимаю, – протянул Торин.

– Ты и не поймёшь, не дано тебе, ты – просто воин, и не больше...

Спустя немного времени Суль продолжила:

– Отец Виллему был из древнего рода хазарских колдунов, их могущество передавалось через два колена, он был первым бездарным коленом, Виллему – вторым. Мощь его крови, его рода, моего рода, мои знания и умения, мой дар – всё это смешалось в крови Горлунг. Она даже сейчас сильнее меня, я не знаю, кто из нас кого учит. Горлунг ещё дитя, но она сильнее многих бывалых знахарок, сказать по чести, она сильнее всех, кого я встречала.

В памяти Торуна сразу всплыли разговоры хирдманнов, их обвинения против Суль, в тот памятный вечер, когда он впервые увидел жену Ульва, бывалые вояки боялись её. Если его

дочь сильнее Суль, о, боги, как же быть? Как жить под одной крышей с ребёнком, который может наслать гнилую болезнь и отравить?

И тут Торин отчётливо вспомнил глаза Горлунг, они были такие же жестокие, чёрные, жуткие, как и глаза её бабки. О, боги, теперь у него есть своя маленькая Суль, что может быть хуже этого? Наверное, ничего.

– Виллему суждено было умереть, давая жизнь Горлунг, – продолжила Суль, – ведь слабый всегда умирает от руки сильного. Горлунг суждено стать первой могущественной ведьмой новой династии.

Суль говорила о смерти дочери, как о чём-то само собой разумеющемся, словно не она дала жизнь Виллему, Торин же и думать забыл о Виллему сразу после брачного пира. И ни один из них не подумал о том, что она была молодой девушкой со своими мечтами и надеждами, что искренне тосковала по своему безразличному мужу, ожидая его из набега, но так и не дождалась. Часами просиживала Виллему на берегу фьорда, ожидая появления драккар. Всё было напрасно, она так и не увидела Торина перед смертью, пожалуй, она была единственной, кто когда-нибудь по нему скучал.

– Что же мне делать с Горлунг? Кто же возьмёт её в жены, зная про неё правду? – с усмешкой спросил Торин.

– Меня же Ульв взял в жены, – вкрадчиво сказала Суль.

– Но ты – это ты. Разве есть в подлунном мире женщина краше тебя?

– Ценность женщины не в её красе, Торин, но тебе этого не понять, ты же воин, простой воин, – усмехнулась Суль – а мужчина, предназначенный Горлунг богами, полюбит её, едва увидев.

Суль поднялась с постели и, нагая, подошла к сундуку, на котором стоял кубок с мёдом. Отпив из него, обернулась к Торину, прекрасная, как утренняя заря, и, улыбнувшись, сказала:

– Если я узнаю, что ты, страшись дара богов, убил Горлунг, ты пожалеешь, воин.

– Это угроза? – любясь нею, спросил Торин.

– Нет, это чистая правда. Если я узнаю, что Горлунг умерла, всё равно от чего, а я узнаю об этом сразу, ибо каждую седмицу я буду спрашивать у рун про неё, я найду на тебя, всю твою семью, твой дом, гнилую болезнь, не пощажу никого, – так же улыбаясь молвила Суль.

Торин ошалело смотрел на неё, и понимал, что Суль говорит серьёзно, и ему стало страшно. Теперь он действительно боялся этой женщины. Разумом он понимал, что женщина должна быть послушная, добрая и тихая, как Марфа, но любя ему была только Суль, заставляющая его грезить о ней, заставляющая страшиться своего гнева. Женщина, равная ему в жестокости и коварстве, вызывающая у него лишь восхищение, чужая жена, не его.

– Ты меня приворожила? – внезапно спросил Торин.

Суль засмеялась звонко, весело, беспечно, повела белыми плечами, села на край постели. Посмотрев на Торина лукавым взглядом чёрных глаз, скинула с него меховое одеяло, провела кончиками пальцев по его телу, и, улыбнувшись, сказала:

– Зачем? Всё намного проще. Твоя похоть сделала всё за меня, – и, помолчав, облизнув распухшие от поцелуев губы, добавила: – а теперь довольно пустых разговоров, люби меня, воин, в последний раз.

На следующий день Торин отчётливо понял, что ненавидит и боится свою дочь. А ведь ничего не предвещало беды, Горлунг была мила и любезна, спрашивала его о Руси. И наутро всё казалось Торину не таким страшным, ну, была девчонка отмечена проклятием, ну и что? Необязательно же Горлунг будет убивать его людей, она ведь может и не быть такой, как Суль. Но после его рассказов о Руси, и о Торинграде Горлунг задумчиво сказала:

– Твой град, конунг, – она не называла его «отцом», а только «конунгом», – не имеет в грядущем места, твоё правление скоротечно, и никто из тех, в ком течёт твоя кровь, не унаследует твою землю, там будут править иные люди.

– Что ты говоришь такое, глупая девчонка? – Торин со злостью посмотрел на дочь.

– Я говорю то, что ведаю. Недолго тебе быть правителем, всемогущие Норны оборвут твой жизненный путь внезапно, а спустя совсем немного времени не станет возведённого тобой града, – уверенно сказала Горлунг.

– Даже так? – зло ухмыльнулся Торин, – а ты всё знаешь и ведаешь? Так может, скажешь мне, как Норны оборвут нити моей судьбы, коли тебе всё известно?

– Ты, конунг, умрёшь от руки женщины, – уверенно сказала Горлунг.

Торин ударил дочь, ибо она предсказала ему самую позорную из всех возможных смертей. Смерть, что не принесёт ему хмельных пиров в Вальхалле, что заставит его душу томиться в Хеле. Ничего страшнее этого для мужчины быть не может.

С того самого момента невзлюбил Торин старшую дочь настолько сильно, что не осталось в его жестоком сердце места для Горлунг, она стала ему в миг чужой, чуждой, врагом.

Привезя её в Торинград, Торин отселил Горлунг в дальние покои и ни разу не навестил её, ни разу не справился о ней, она умерла для него в тот страшный день, когда предсказала ему позорную смерть, стоя в общей зале двора конунга Ульва Смелого.

* * *

Князь Торин так увлёкся воспоминаниями, что не заметил наступление времени обеденной трапезы, и, кивнув рындам, направил Ветра к Торинграду. Когда князь на гнедом жеребце въехал в детинец, первым человеком, которого увидел он, была княгиня Марфа, но она не заметила мужа, отдавая приказания девкам теремным, окружающим её.

Князь Торин лишь устало и презрительно вздохнул, как делал всегда, стоило ему сравнить прекрасную Суль и свою обычную и запуганную супругу.

Глава 2

Княгиня Марфа не заметила мужа не из-за непочтительности, нет, жена преклоняла голову перед князем Торингом, и даже не смела говорить при нём, если он не спрашивал мнения жены. Княгиня Марфа была образцовой супругой, она работала, не покладая рук, иногда даже больше, чем рабы, создавая уют во дворе мужа. Ведь всё должно быть сделано любо и скоро: если пир, то на весь честной мир, всем на удивление и зависть, если работа разная, то сделана на совесть. Хозяйство нужно вести рукой твёрдой и рачительной, ибо дай только девушкам теремным волю, так и будут они дни напролёт сидеть возле майдана, да на дружинников бравых любоваться, вести с ними разговоры беспутные, недостойные.

Науку ведения хозяйства в большом дворе Марфа постигала сама, методом проб и ошибок, ибо в юности её этому не учили. Будучи дочерью воеводы, Марфа до замужества лишь наряды шила да хороводы водила, единственным её развлечением были сказки мамок-нянек. Мать будущей княгини слишком любила и жалела единственную дочь, поэтому и баловала безмерно. Так и вышло, что княгиня Торинграда до всех премудростей хозяйства доходила сама, ошибаясь, совершая различные промахи, иногда выставляя себя на осмеяние женам дружинников.

Марфа знала с младых ногтей, что пригожа, и, перебирая свой светло-русый волос, мечтала о том, что выйдет замуж за молодца, который будет её любить, холить и баловать. Когда дочь воеводы думала об этом, глаза её серые казались расплавленными перлами, лицо, круглое, словно наливное яблоко, заливалось румянцем. Беззаботная жизнь юной Марфы закончилась в одночасье, в миг захвата Торингом крепости.

Не познала она в браке с князем ни тепла, ни ласки, ни нежности. Он не мог, да и не хотел её полюбить, Торингом владела лишь одна подлинная страсть – страсть власти, ради неё он был готов на всё. Всё то, о чём шептались, краснея, девицы в теремах, осталось для Марфы неизведанным, познала она лишь жестокость и унижение от руки равнодушного сильного мужчины.

Единственным чувством, которое испытывала Марфа по отношению к мужу, был страх, животный, всепоглощающий, настолько сильный, что временами он переходил в ужас. Именно это чувство заставило молодую и впечатлительную Марфу попытаться позабыть о том, что Торин пришёл на землю её отца, явился захватчиком, пролив кровь её отца и братьев. В первый солнцеворот после брачного пира князь Торин вызывал у Марфы такую неприязнь, что иногда ей казалось, будто ему чужды все человеческие чувства. Выходя поутру из его одрины, старательно пряча синяки, княгиня Марфа про себя насылала на его голову страшные проклятия.

А потом Марфа сломалась, она устала от постылой жизни, устала даже тихо ненавидеть супруга и смирилась с его грубостью, жестокостью и равнодушием. Ибо даже волхвы учили смирению, ведь слово мужа и князя есть закон. Да и не изменить уже ничего в этой жизни, видимо сам Род решил её судьбу так, выбрал ей именно такого мужа.

И вскоре Марфа уяснила, что когда князь доволен бытом своим, жить с ним становится проще, и даже немного веселее. Вот тогда и начала княгиня Марфа, не покладая рук, трудиться на благо Торинграда, делая всё, что только мог пожелать её супруг. Марфа стала лучшей хозяйкой, что когда-либо видела эта суровая земля, ничего теперь не происходило без её ведома и одобрения в торинградском дворе. Так и стал Торинградский двор одним из лучших на Руси.

За одно только была благодарна Марфа мужу – за детей чудесных: Прекраса – самый красивый ребёнок на всем свете и Митяй – наследник, её гордость, смыслённый и добрый малыш.

Тогда, шесть солнцеворотов назад, отправляла Марфа мужа на его родину с лёгким сердцем. Торин должен был привести свою норманнскую жену, с таким чудным и режущим славянское ухо именем – Виллему. Как она ждала её! Ни капли ревности не было в душе молодой княгине к первой жене Торина, нет, Марфа хотела скинуть с плеч тягостные обязанности

хозяйки дома, снова зажить беспечной жизнью. Ведь привези князь Торин свою первую норманнскую супругу, она бы стала его водимой женой, княгиней, а Марфа стала бы меньшицей.

Но больше всего Марфа надеялась, что будет посещать одрину княжескую реже, ведь поговаривали, будто первая жена князя была красива какой-то особой смуглой красотой, и Марфа надеялась, что эта красота привяжет Торуна к ней. Но мечтам Марфы не суждено было сбыться, ибо оказалось, что Виллему уже девять солнцеворотов как у Морены лютой.

Вместо Виллему князь Торин привёз с собой худую маленькую девочку с чёрными, словно смола, волосами, безразличным взглядом тёмных глаз. Сначала Марфа растерялась, не понимая, кто это, даже зная Торуна, Марфа не верила, что он может взять в наложницы ребёнка. Но затем княгиня заметила некоторое сходство между князем и ребёнком и поняла, что это дитя Торуна.

Торин, сойдя с драккары на берег, даже не посмотрел на почтительно склонившую голову Марфу. Он прошёл мимо неё, словно и не была она его женой. И лишь поздней ночью, отворив дверь в её одрину, Торин разочаровано посмотрел на русые волосы жены, на её серые глаза, румяные щёки. Она опять его разочаровала, вздохнув, Торин, затушил свечу, чтобы не видеть её, и лёг рядом.

Марфа пыталась поладить с Горлунг, она любила детей и была не против ребёнка мужа от норманнской жены. Княгине было жаль старшую дочь Торуна, ведь та росла, так и не познав материнской ласки.

Но на все попытки Марфы подружиться с Горлунг, последняя отвечала лишь ледяным презрением и молчанием. Её не занимали обычные игры Прекрасы и Митяя, странная девочка словно родилась взрослой и просто ждала момента, когда станет выше ростом. Ей не нужна была жалость Марфы, дружба с Прекрасой и Митяем, нет, Горлунг сторонилась всех славян, запираясь в своём покое вместе с норманнской нянькой.

Вскоре княгиня пришла к выводу, что Горлунг ей больше всего напоминает злую, тощую ворону.

Через некоторое время после поездки князя Торуна в Норэйг он заболел, хворь была настолько тяжёлой, что в беспмятстве метался супруг Марфы среди меховых одеял, не признавая никого вокруг. Княгиня дни и ночи напролёт просиживала у его постели, моля Долю о том, чтобы было ниспослано ей освобождение от постылого мужа.

Казалось, что князь Торин испустит дух скоро, ибо даже целительные настои, которые давали княгине волхвы, не вызывали никакого лечебного эффекта, князю становилось всё хуже. Не принесло Торуна облегчения и приношение в жертву богам его любимого коня, он уже не приходил в себя ни на миг.

В Торинграде повисла тяжёлая гнетущая тишина, все ждали смерти князя и боялись её. Ведь только-только наладилась жизнь, отстроен град, кто станет править вместе с маленьким Митяем? Даже девки теремные перестали заразительно громко смеяться, они тихо сновали по общей зале, не привлекая внимания дружинников, а те в свою очередь, не кидали больше на них страстных взглядов, не до девок стало воинам – они раздумывали о том, кому в дружину податься.

В тот тяжёлый для всего Торинграда момент княгиня Марфа и познала, что ждать ей помощи и поддержки не от кого. Гридни Торуна ходили злые и раздражённые, они уже в мыслях сыграли по князю тризну, и думали, как устраивать жизнь далее. Жёны дружинников храбрых, что раньше старались угодить княгине, теперь избегали её. Никто не знал, что будет дальше. Потянулся торинградский люд к волхвам, молясь и принося жертвы, дабы не забыли боги их, не покинули.

Кроме княгини Марфы у постели Торуна сидел ещё один человек – Горлунг. Она приходила ранним утром, садилась в уголке и неотрывно смотрела на лицо отца. Поздним вечером девочка вставала и уходила в свой покой, а утром всё повторялось заново. Марфе, которой

так нужна была человеческая поддержка, было тяжело сидеть рядом с Горлунг, ибо та не проронила ни слова, молча глядя на все действия волхвов.

В один из вечеров князю Торину стало ещё хуже, он весь пылал и без сил лежал на ложе. О том, что в нём ещё теплится жизнь, напоминало лишь шумное дыхание. В тот вечер Горлунг, которая пока не очень хорошо знала язык славян, тщательно подбирая слова, сказала Марфе:

– Гони своих волхвов, жена конунга, от них нет помощи никакой, лишь мешают.

– Что ты говоришь такое? – набросилась на падчерицу Марфа. – Волхвы – святые люди, они обязательно помогут твоему отцу.

– Он выживет, но не их стараниями, – твёрдо молвила Горлунг.

– А чьими же тогда? – раздраженно спросила княгиня.

– Я его вылечу, он будет жить. Рано ему ещё в Хель, время его ещё не пришло, иная смерть его ждёт, – уверенно сказала Горлунг.

Волхвы и так не особо жаловали князя Торина, хоть он принял славянских богов и высказывал к ним всяческое почтение, но понимали, что сие было скорее шагом политическим, чем велением души, познавшей истинную веру. Поэтому, услышав разговор княгини и дочери Торина, волхвы оскорбились до глубины их святых и непорочных душ, и откланялись сами, напоследок обозвав и князя и дочь «варварами».

Марфа заплакала и пошла готовить нарядную одежду для похорон Торина, которого теперь уже непременно ждала смерть. Ей было нестерпимо думать, что волхвы навеки покинули Торинград, это ведь означает, что у люда здешнего не останется никакой надежды на будущее, ибо ничего хорошего не произойдёт на земле, которую не благословят волхвы.

А Горлунг осталась, и начала поить и растирать князя своими отварами и мазями. Никто никогда и не подумал бы, что этот несмышлёныш что-либо понимает в целительстве. Но в лечении Горлунг разумела, пожалуй, больше всех местных волхвов: не прошли даром старания Суль, и князю становилось лучше день ото дня.

А княгиня Марфа, видя, что её мечты остаться вдовой-княгиней терпят крах из-за падчерицы, невзлюбила её люто. Глядя, как та чертит в воздухе знаки непонятные, да нараспев читает молитвы богам своим, Марфа лишь качала головой и пыталась смириться со своей участью.

Торин ещё не пришёл в себя, но уже не метался на ложе от невыносимого жара, и Марфа старалась искупить вину за свои чёрные мысли, постоянно поправляла одеяла на ложе супруга или гладила его холодный лоб. Однажды с неожиданной силой Торин схватил её за руку, и, глядя на княгиню невидящими глазами, прошептал:

– Суль, не покидай меня, ... не оставляй... поедем со мной... я всё для тебя сделаю, Суль...

Марфа знала родной язык Торина достаточно хорошо и понимала, что «суль» означает «солнце». Приняв эти слова за бред больного, Марфа, выдернув руку из ладоней мужа, отвернулась, и тут заметила взрослую понимающую улыбку своей маленькой помощницы, улыбку человека, разгадавшего чужую сокровенную тайну. Не по себе стало Марфе от этого, словно окатили её ушатом воды колодезной, показали на место её ничтожное в сердце княжеском, ибо даже ребёнок разумел о муже её более, чем сама княгиня.

Вскоре князь Торин поправился, но Морена лютая не ушла из их дома с пустыми руками, она забрала самое дорогое – Митяя, наследника княжеского.

Эта потеря была самой тяжёлой в жизни и Марфы, и Торина, но общее горе их не сплотило, а скорее наоборот, ещё больше отдалило друг от друга. Торин всегда был угрюм и молчалив, он был одиноким волком по натуре, а Марфа – общительная светлая женщина, замкнулась в себе и впервые поняла, как тяжело быть одинокой, бесконечно одинокой в доме, полном людей. Ей казалось, словно она по привычке выполняет обязанности жены княжеской, а все её чувства, разум, спят глубоким беспробудным сном.

Княгиня Марфа считала мужа человеком душевно не способным на теплоту, любовь и нежность, и была удивлена, поняв, что и он когда-то кого-то любил. Поняла она это внезапно, услышав из уст мужа ещё раз слово «суль», и тогда осознала, что это имя.

Однажды Торин увидел, как Марфа и маленькая Прекраса идут от коптилен к гриднице, и, потрепав Прекрасу по голове, Торин на секунду задержал дочерний локон в руке, задумчиво сказав:

– Золотые, почти как у Суль...

В тот миг княгиня Марфа осознала, что никогда князь Торин не изменит своего отношения к ней, не оценит её заслуг и стараний, не полюбит её поздней и сладкой любовью, нет, в его сердце властвует другая женщина, женщина, носящая странное имя Суль.

Княгиня так и не смогла более родить ребёнка Торину, не помогли ни волхвы, которые всё-таки вернулись в Торинград, ни молитвы. Отчаявшийся князь стал брать на ложе девок теремных и рабынь, в надежде, что появится наследник, но всё оказалось безуспешным, видимо Недоля обратила свой взор на их двор.

И только солнцеворот назад княгиня Марфа ожила, отпустила её тоска лютая, беспросветная, ибо полюбила Марфа сильно, страстно, нового дружинника мужа. Стоило княгине поднять глаза на Дага, как стало ясно ей, что вот она, любовь, так мил сердцу княгини стал норманнский воин. Почему-то Даг не вызывал у Марфы того страха, что вызывал Торин, княгиня не верила, что Даг жесток.

Ночами предавалась Марфа сладким и постыдным мечтам о новом дружиннике, о том, каково делить ложе с ним. А утром стыдилась поднять глаза и на мужа своего, и на Дага.

Вот и сейчас, торопливо отдавая приказание девкам теремных отмыть гридницу, Марфа думала о любви своей поздней, неразделённой, и так горько на душе её было, что не заметила она мужа своего и не склонила почтительно голову.

Глава 3

Князь Фарлаф, в отличие от своего друга Торина, являлся счастливым отцом двух сыновей от водимой норманнской жены – княгини Силье, и ещё троих дочерей родила ему меньшая славянская жена. Именно наличие сыновей у Фарлафа являлось постоянной причиной зависти князя Торина, ничего он не желал так сильно, как передать свой град сыну. Но, увы, этому не суждено было сбыться.

У князя Торина было всего две дочери и ни одного сына, это обстоятельство являлось причиной тяжёлых дум князя, который прекрасно понимал, что он не вечен, и Торинград передать некому. Именно по этой горькой для князя Торина причине пришлось ему и заключить с князем Фарлафом уговор, сущность которого сводилась к тому, что дочь князя Торина выйдет замуж за наследника князя Фарлафа. Таким союзом князья договорились объединить земли и кровь.

Это решение далось князю Торину нелегко. Ещё бы, земля, в которую он вложил столько труда и сил, воздвигая свой град – и отдать всё это мальчишке, чужому сыну! Но выхода у Торина не было. После этого брака ему придётся объявить наследника Фарлафа – княжича Карна – и своим наследником. И после его смерти именно княжич Карн и дочь Торина будут княжить на объединённых землях Торинграда и Фарлафграда. И дочь эту должна стать, конечно же, Прекраса.

Сама княжна Прекраса с нетерпением ждала сватовства княжича Карна и последующего брака. Ждала не для того, чтобы княжить вместе с супругом, нет, просто ей хотелось иметь свою семью. Как хотелось Прекрасе, чтобы у неё был муж, который будет любить её и только её, холить и баловать, исполнять все капризы и прихоти!

Прекраса... Уж, если кто на этом свете и соответствовал своему имени, так это именно она. Не было девицы краше княжны ни во дворе князя Торина, ни во дворе князя Фарлафа, а может, и во всей Руси никто не мог сравниться с ней в пригожести. Волосы Прекрасы были словно золото светлое, полированное, глаза голубые, как бирюза, щёки румяные, губы спелые, и вся фигура её округлая, статная, казалась высеченной из белого камня.

Но красота редко сопровождает ум, и, как это ни прискорбно, княжна Прекраса была легкомысленной и пустой особой, предающейся днями напролёт мечтам. Все наставления матери о ведении хозяйства, решении людских жалоб, влетали в одно красивое ушко, и, не задерживаясь, вылетали из другого. Да и зачем слушать эти неинтересные вещи, если можно песни петь да плясать, покуда ноги в расшитых сапожках не заболят.

Княгиню Марфу ничему не научил печальный опыт её супружества, свою единственную дочь она растила на сказках мамок-нянек о прекрасных и добрых молодцах, которые приедут на белом коне и спасут юную деву от любой напасти. И Прекраса свято верила, что когда встретится с княжичем Карном, тот немедленно восплает к ней горячей любовью, и будет обожать всю жизнь. Марфа хотела сохранить в душе дочери надежду на любовь, на чудо, на счастье – ту, что сама потеряла так давно. Но на деле княгиня воспитала капризную и вздорную девицу.

А княжна так жаждала, чтобы встреча с Карном произошла скорее, ведь Прекраса хотела испытать любовь, настоящую мужскую любовь, о которой шепчутся девки теремные на посиделках. Ту любовь, которая заставляет мучительно краснеть и при этом сладко биться сердечко, словно птичку, пойманную в силки.

Про эту любовь рассказала княжне Прекрасе её лучшая подруженька – Агафья – девка теремная, выросшая вместе с княжной и развлекающая её. Хитрая Агафья знала, что её непостоянная госпожа легко увлекалась новыми людьми и их рассказами. Именно поэтому, дабы удержать расположение княжны, Агафья и рассказывала ей истории, услышав которые, кня-

гиня Марфа отгаскала бы прислужницу за уши. Но княгиня этих историй не слышала и не ведала о влиянии рыжей Агафьи на юную княжну.

А Прекраса, сидя в богатых и тёплых покоех, мечтала, и придумывала княжичу Карну всё новые и новые качества, которыми он не обладал. В том, что её ждёт счастливая судьба, княжна не сомневалась, ведь нет никого пригожее неё, а значит, счастье неминуемо придёт к ней.

Прекраса не понимала, что красота редко является даром богов, чаще всего она есть первый признак их проклятия.

* * *

Две сестры от одного отца и одинаково покорных и молчаливых матерей, они должны были быть похожи, но боги решили иначе. Не было ничего, чтобы роднило между собой княжну Прекрасу и княжну Горлунг, и мечты, заботы, пути у них были разные.

Княжна Горлунг была на особом положении: чернавки и девки теремные не бросались со всех ног исполнять её прихоти, дружинники ей не подмигивали, мамки-няньки не рассказывали сказок и легенд. Её не любили во дворе, но уважали и ценили. Это была не привилегия, данная ей от рождения, нет, уважение людское Горлунг заслужила. Заработала тяжким трудом, ибо трудилась она, не покладая рук.

Всё началось давно – шесть солнцеворотов назад, когда она была привезена на эту землю. С первого мгновения, как только княжна спустилась с драккары, всем, кто встречал князя Торина, стало ясно, что не любя она князю, да и княгине. Это и не скрывалось. Горлунг тогда была изгоем в княжеском дворе, даже с нянькой её – Инхульд (привезённой ещё из Норэйг) не разговаривали девки теремные. Но больше всего люди Торинграда невзлюбили княжну тогда, когда князь приставил к ней рынду, который охранял людей от неё. Вот с тех пор и пошла молва среди жителей Торинграда о ребёнке-ведьме, в след которой волхвы грозили посохами.

Но после болезни князя многое изменилось, люди сами к ней потянулись. Горлунг начала лечить сначала раны дружинников, полученные при ежедневных упражнениях в ратном деле, потом простуды, а вскоре жители Торинграда начали обращаться только к ней, чем вызвали гнев волхвов. Последние не могли смириться с тем, что ребёнок заменил их, волхвы проклинали дочь князя и ушли с земель близ Торинграда. А причина популярности Горлунг была простой: она не заставляла молиться, приносить жертвы богам, нет, она просто давала мазь или настой и делала перевязки, чертила вокруг больного знаки разные, непонятные, иногда в тяжёлых случаях делала обереги. И ни слова упрёка, ни одного нравоучения не слетало с её плотно сомкнутых губ, лишь головой иногда покачает, и всё.

Покои Горлунг, самые большие и холодные во дворе Торина, состояли из двух комнат: просторной с широкими лавками и столом, в ней раскладывались и сушились травы, лежали тяжёлые больные, и спал Эврар (рында княжны), к ней примыкала маленькая спальня княжны с широкими полатями для сна Горлунг и лавкой для её няньки – Инхульд.

Угрюмая и молчаливая Горлунг редко бывала на женской половине, бабы славянские, открытые и дружелюбные, любившие посплетничать, терялись в её присутствии, как-то само собой выходило, что при появлении старшей княжны смолкали разговоры. А та считала это знаком ещё большей ненависти отца и Марфы, поэтому невзлюбила княжна женщин торинградских.

Лето напролёт собирала и заготавливала Горлунг травы, все леса близлежащие знала она, как свои персты, и всегда на шаг позади неё шёл верный Эврар. Никто уже не боялся, что старшая дочь Торина сведёт к Морене княжеских людей, но рында так и остался при Горлунг. И ни для кого не было дивом, когда с первыми петухами княжна шла в лес, а за ней плёлся с лукошком и кинжалом Эврар.

Эврар – старый вояка, приставленный рындой к княжне, изначально получил строгий наказ от князя Торина «охранять людей от Горлунг, не давать ей чинить зло беспрепятственно». Но со временем воин полюбил княжну всем сердцем, она была единственным человеком на этой чужой земле, который заботился о нём. Для Эврара было непостижимым то, что дочь князя так печётся о нём, простом воине. Она готовила ему лекарства от боли в костях, которые со временем мучили его всё сильнее, лечила его простуды, чинила рваные рубахи. Горлунг не нуждалась теперь в его защите, да и, по правде сказать, Эврар не мог защитить её от какой-нибудь реальной угрозы, это рында нуждался в ней. Княжна давала Эврару почувствовать себя нужным, причастным к судьбе других людей, она и Инхульд стали для него семьей.

Сам же Эврар был, пожалуй, единственным человеком, которого любила Горлунг: немногословный воин своей преданностью, ненавистью к недоброжелателям княжны заслужил её тёплые чувства. Эврар почти так же люто ненавидел Торина, Марфу и Прекрасу, как и сама Горлунг. Именно он научил княжну жестокой философии викингов, благодаря своему рынде Горлунг поняла, что не дорожит жизнью и не боится её потерять, она осознала, что кровь и слёзы вражеские, словно водица дождевая, бегут и не трогают сердце.

Примерно этому же учила Горлунг и Суль. В те редкие минуты, когда они разговаривали не о травах и зельях, бабка внушала внучке именно жестокость и жажду власти.

В дружинной избе почти все воины хотя бы однажды лечили раны у Горлунг. Иногда самые отчаянные пытались заигрывать с ней, но, кроме хмурого взгляда, ничего не получали в ответ. Горлунг за лечение никогда ничего не просила, но зачастую исцелённые дружинники привозили княжне из походов ткани и различные безделушки, она принимала их с благодарностью. Ибо князь и княгиня её подарками не жаловали.

Люди же Торинграда завидев худенькую фигурку, кланялись издали, и невольно смотрели вслед. Нет, она не была так потрясающе красива, как младшая сестра, но было в её осанке что-то поистине княжеское: спина – прямая, словно стрела, выпущенная из тугого лука, особая статность, смолёная коса, перекинута через плечо, бледное лицо с густыми выразительными бровями, глаза чёрные, словно агаты, и очень редко её лицо посещала улыбка, тёплая, словно лучик весеннего солнца.

В те редкие минуты, когда князь Торин вспоминал о старшей дочери, ему казалось, что в последний раз он видел её во время болезни, много лет назад. Так оно и было: и дочь и отец старательно избегали друг друга, и также старательно возвращали в сердцах обиду друг к другу.

Глава 4

Квитень – обычно холодный месяц на Руси. Несмотря на проглядывающее сквозь тучи солнышко, ветра дуют холодные, лютые, заставляющие людей кутаться в одеяния. Но покои старшей княжны были пусты, никто нынче не пришёл ни за отваром от простуды, ни за мазью прогревающей.

В своей маленькой одрине княжна нервно бродила из угла в угол, комкая тонкими пальцами кусочек льняного полотна. Ей вспоминался один из разговоров с бабкой, и теперь Горлунг знала, что время пришло.

* * *

Суль, как обычно прекрасная, сидела напротив маленькой Горлунг, она подавляла ребёнка своей ослепительной норманнской красотой, ребёнка, который всегда понимал, что выглядит иначе, не так, как положено норманнской девочке. Горлунг ненавидела свой чёрный волос, из-за которого все, кто впервые видел её, смотрели так, словно у неё три уха. В своей внешности ей нравились лишь глаза, они были такие же, как и Суль, а значит, были красивы.

– Горлунг, ты отвлеклась, – строго молвила бабка, – я же вижу, что ты не слушаешь.

– Извини, бабушка, – покорно сказала внучка.

– Горлунг, так мало времени осталось, скоро он придет, – Суль всегда называла Торина просто «он», так, словно отец Горлунг не заслуживал носить человеческое имя, – очень скоро, а мне ещё столько надобно тебе рассказать.

– Травы? – спросила внучка, которой казалось, что ей ведомы все созданные богами травы и цветы.

– Нет, вот лишнее подтверждение того, что ты не слушала, – топнув ногой, сказала Суль, – я рассказывала тебе о рунах. Руны – вот главное, что отличает нас от обычных целителей. Возможность читать и резать руны дает неограниченную власть, мы можем видеть грядущие, менять его, а что может быть важнее?

– Грядущее? – оживилась Горлунг, – бабушка, ты правда можешь сказать, что будет?

– Да, Горлунг, могу, – улыбнулась Суль, – и тебя научу, хотя, думаю, что тут всё выйдет, как с травами и зельями.

И внучка и бабка после этих слов понимающе улыбнулись. У Горлунг была потрясающая способность угадывать нужные сочетания трав для лечения болезней и приготовления различных зелий и отваров, а самое главное, ядов. Эта способность восхищала Суль, сила которой крылась скорее в любознательности и способности запоминать различные сведения и рецепты, а не в природной предрасположенности к пониманию целебной и губительной сил трав. Иногда Суль казалось, что Горлунг не боится ничего, та могла смело смотреть и брать в руки язык мертвеца, лягушачьи лапы, змей, кровь младенцев, волос убитых девственниц и прочие вещи, которые у обычных людей вызывали отвращение. Хотя Горлунг никто не мог назвать обычной. Даже после первого взгляда на неё знающие люди начинали бояться её, а непосвящённые просто сторониться, всем было неуютно в её обществе.

– Бабушка, а ты можешь сказать, что ждёт меня в грядущем? – любопытно спросила Горлунг.

– Разумеется, я скажу тебе, милая. Но сначала я расскажу тебе кое-что, – молвила Суль, и, помолчав, начала рассказ. – Ты, наверное, замечала, Горлунг, что ты не такая, как остальные дети? – внучка кивнула, и Суль продолжила: – замечала. Да и как ты могла не заметить, если все только об этом твердят, и при виде тебя глаза отводят? Не обращай на них внимания, они глупы, они не ведают, что твои способности есть дар великий, а людское незнание есть их

проклятие. Я когда-то тоже была такой, а ещё раньше моя бабушка, она и научила меня всему, как теперь я учу тебя. Ты – весь смысл моей жизни, боги даровали мне долгие лета и молодость только для того, чтобы я учила тебя, делилась с тобой своими знаниями, своими умениями. У женщин нашей семьи рождаются только дочери, мужья думают, что это проклятие богов, но нет, это благость, ибо через поколение у нас рождаются особые дочери, ДРУГИЕ. Такие, как я и как ты. С каждым поколением мы становились всё сильнее. Но запомни, Горлунг, если кто-то говорит про тебя плохо, считает, что тебе не место в подлунном мире, значит, он достоин смерти. Не жалей их, они не стоят жалости или доброго отношения к себе. Люди вообще заслуживают лишь презрения с их мелкими страстишками, болезнями, страхами. Люди всегда боялись, и будут бояться вечно таких, как мы с тобой. Мою прапрабабку закидали камнями лишь за то, что она резала руны, ибо считается, что женщины не должны осквернять руны своими прикосновениями. Поэтому в своё время я уяснила, что тех, кто желает мне зла, надобно изживать со света, запомни это... Когда я росла, я услышала от одной болгарской рабыни об особых травах, вызывающих видения, открывающие завесу непознанного, того, что будет. Эти видения показывают грядущие иначе, не так как руны, лучше. Я выпила настой этих трав и УВИДЕЛА... узрела отца своей дочери, того, в чьих жилах тоже текла особая кровь, кровь дающая силу.

– Разве конунг Ульв – тоже не такой, как все? – удивлённо спросила Горлунг.

– Да, он не такой, как все, но не молви ему об этом, – уклончиво прошептала Суль. Она не смогла открыть внучке истину о том, кто был её настоящим дедом.

– Бабушка, я хочу быть, как все, мне не нравится быть ДРУГОЙ, – сказала Горлунг, подперев грязной ладошкой щеку.

– Ты ещё маленькая и неразумная, Горлунг. Боги ведают лучше нас, они наделили тебя очень сильным даром. Ты должна неустанно благодарить их за это, а не хныкать, – строго сказала Суль, – и навсегда уясни то, что я тебе скажу: ты будешь женой смелого, доброго воина, который станет конунгом, он будет тебя сильно любить, вопреки всему: твоим словам, твоим силам, твоим делам.

Горлунг с улыбкой посмотрела на Суль, ей хотелось такого же супруга, как конунг Ульв Смелый.

– У каждого из вас будет длинный путь друг к другу, путь через разочарования и тоску, – продолжила Суль, – но будет и счастье. Но главное, запомни, Горлунг, ты должна основать новый великий род, в котором в каждом поколении будут рождаться способные дочери, наделённые силой. Этот род будет иметь власть над обычными людьми, их будут бояться враги и остерегаться друзья. Вот главное твоё назначение в подлунном мире, ты – носитель силы, крови, которую нужно лишь улучшать, и когда-нибудь наш род будет править целой страной, огромной и бескрайней, богатой и сильной. Поняла?

Горлунг кивнула. Она поняла. К приезду Торина Горлунг уже знала о его жизни больше, чем две его жены, вместе взятые, но самое главное, она знала его грядущее.

* * *

И вот сейчас руны открыли для Горлунг то, что она ждала уже шесть солнцеворотов – грядут перемены, все: Торин, Марфа, Прекраса, и она будут богами подвергнуты испытаниям. Ведь неважно, в каких богов ты веришь, каким приносишь жертвы: и норманнские, и славянские боги любят проверять людей на прочность, испытывать их веру.

Горлунг, ухмыльнувшись, подумала о том, что тех, кто отказывается от своих богов и принимает других, чуждых, Один, как известно, не жалует и карает, так что для князя Торина грядут не лучшие времена. Он наконец-то получит по заслугам, ибо грядущие перемены означают начало угасания князя Торина, начало его мук и терзаний, приблизят к вратам Хеля.

– Инхульд, – позвала няньку Горлунг.

– Что, светлая? – появившись на пороге одрины, спросила нянька.

Инхульд не нравилось на Руси вообще и во дворе князя Торина в частности. Не любила она княгиню Марфу. Ведь именно она, Инхульд, воспитывала самого князя Торина, в ту нежную пору, когда юный князь нуждался в заботах няньки. А после Инхульд была приставлена к сиротке Горлунг, ей пришлось жить в доме, где хозяйничала ведьма – Суль. Её Инхульд тоже не любила, но боялась. И вот теперь здесь, в Торинграде, она живёт в крошечной комнатке, вместе со своей воспитанницей, которую Инхульд тоже, к слову сказать, побаивалась, ведь неизвестно, что у них, знахарок, в голове, а то не угодишь чем, и порчу наведут, не пожалеют. Она, как нянька князя Торина, должна была бы быть здесь в почете, но княгиня Марфа решила иначе.

– Инхульд, доставай ткани да шкатулку матери, – сказала княжна.

– Ткани? Шкатулку? Да неужели, светлая, мы дождались наконец-то? – радостно запричитала нянька.

– Да, скоро, – бросила через плечо Горлунг.

Горлунг не особо любила няньку, скорее терпела, ибо, не будь Инхульд, будет на её месте другая, так уж положено девице: иметь если не мать, так хоть няньку. Кроме того, Инхульд была приставлена к своей госпоже с самого рождения, ещё матерью Торина, а потом вместе с ней поехала во двор Ульва, затем и на Русь. Инхульд связывала её с бабкой, ведь все они когда-то жили вместе во дворе конунга Ульва Смелого, она одним своим присутствием доказывала Горлунг, что Суль существовала.

Все трое: Горлунг, Эврар, Инхульд, ждали перемен, ибо когда-то по младости лет княжна открыла и няньке своей и рынде то, что грядёт. Они ждали сватовства княжича Карна к княжне Прекрасе, обговорённого князьями с особой потаённой радостью и нетерпением. Ибо ни для кого из них не было секретом, что Суль в своё время сказала Горлунг, что та будет женой конунга, и, поразмыслив, они пришли к выводу, что княжич Карн предпочтёт Горлунг её сестре. Как ждали они, изгой двора князя Торина, этого момента, показать и доказать всем остальным, что пожалеют ещё люди, что их чурались, что ходили в их покои только за травами.

А сердце Горлунг грела одна из фраз, брошенных Суль: «Мужчины, предназначенные нам богами, увидев лишь раз женщину нашего рода, не могут жить без нас, они теряют голову навеки и отдают нам своё сердце, дабы мы в нём правили единолично». Вот и ждала княжна этого единственного раза, когда посмотрит на неё княжич Карн и полюбит так, что даже сияющая красота Прекрасы не сможет этому помешать. Горлунг хотелось доказать всем вокруг, что не хуже она сестры, а для этого, по задумке княжны, необходимо произвести впечатление и появиться внезапно.

Посему Инхульд и доставала из сундука, стоящего рядом с ложем княжны, ткани, привезённые дружинниками в благодарность за исцеление. На ложе выкладывались отрезки льди-сто-голубого, бордово-красного, светло-серого, ярко-синего, янтарного, ярко-красного, кровавого, зелёного, чёрного цветов. Это было целое состояние. Пожалуй, никто и не догадывался, что у Горлунг хранятся такие изумительные ткани. Если бы княжна Прекраса увидела всё это великолепие, то, снедаемая завистью, обязательно устроила бы скандал.

Но самое главное хранилось в маленькой шкатулке, стоящей на самом дне сундука, это были украшения Виллему, перешедшие к Горлунг по наследству: шитые золотом головные повязки, две цепи золотые, ожерелье из перлов, широкие золотые браслеты, перстни. Кроме того, Суль подарила на прощание маленькой Горлунг серебряные броши, шитую серебром головную повязку и серебряный обруч, на обороте которого были начертаны руны удачи. Дружинники князя Торина тоже привозили княжне в благодарность украшения: золотой венец, украшенный перлами, золотые усерязи, бусы из перлов, хрусталя и коралла.

– Ох, светлая, нашъём мы тебе нарядов, – мечтательно сказала Инхульд, – и будешь ты у нас краше всех, а когда хозяйкой станешь во дворе княжича, ох, и поплачут они без тебя. Сколько времени у нас до приезда жениха?

– Руны молвят, что немного времени, я полагаю, что до червеня надобно управиться, – ответила Горлунг, задумчиво поглаживая ладонью ткани.

– Поскорей бы, хватит этой пустоголовой Прекрасе быть цветком этого двора.

Горлунг промолчала, мечтательно улыгнувшись. Как же ждала она червеня! Ей так хотелось доказать им всем, что она особенная, что она лучше Прекрасы.

* * *

Не одна Горлунг ждала приезда княжича Карна и сватов, княжна Прекраса тоже готовилась к приезду жениха, только в отличие от сестры она точно ведала, когда ждать княжича Карна. Поэтому и платья её шились и расшивались уже давно. Хотя княжна Прекраса была уверена, что, увидев её красоту, княжич влюбится в неё, даже если она будет в простом наверхнике, но лучше, конечно, предстать во всей красе.

Глава 5

Червень, 861 год н. э., Северная Русь, Торинград

Лето принесло в Торинград долгожданное тепло, казалось, солнечные лучи не только согревают тело людское, но и душу. Здесь, на севере Руси, даже летом не было поистине жарко, скорее – тепло, но не настолько, чтобы не подтапливать очаг в гриднице перед утренней и вечерней трапезой.

Приход лета ознаменовал окончание ожидания для всех, живущих в Торинграде. Закончилась лютая зима и холодная весна, вскоре окончится и девичество любимой дочери княжеской, а пока завершались приготовления к сватовству княжны Прекрасы.

Все ждали приезда князя Фарлафа и княжича Карна. Торин – с болью в сердце, он словно простался со своей землей, ему было горько думать о том, что её унаследует чужой сын, Марфа – с тоской и печалью, ибо уже начала прощаться с любимой дочерью, а обе княжны – с нетерпением, ибо каждая жаждала перемен в судьбе.

Во дворе князя Торина кипела неустанно работа: княгиня Марфа проверяла запасы различных яств, и если чего-то, по её мнению, не хватало, пополняла кладовые. Девки теремные не выпускали из рук тряпок, мыли и чистили гридницу, одрины, коптильню, кладовые, и даже заборол. Княжна Прекраса мерила наряды, выбирая самый богатый, чтобы не осрамиться перед гостями высокими. А дружинники пуще прежнего упражнялись в ратном деле, надеясь вышибить дух из дружинников князя Фарлафа.

Княжна Горлунг же, не покладая рук, шила и расшивала платья, в надежде очаровать княжича Карна. За этим занятием и застал её верный Эввар, зайдя однажды днём в лечебный покой.

Горлунг сидела у окна, тонкая игла быстро сновала в её пальцах. Она оторвалась от шитья и посмотрела на вошедшего. Рында затворил за собой дверь, и, присев на лавку у её ног, сказал:

– Всё готово, светлая, сделали.

– Правда? Так скоро? – удивлённо вскинув брови, молвила княжна. – Ох, Эввар, что бы я без тебя делала? Лишь на тебя одного я могу положиться. Покажи.

Рында, довольно крякнув, развернул тряпицу, которую держал в руках, и солнца свет заиграл на отполированном лезвии кинжала. Сам кинжал был с деревянной ручкой, тёмно-красной, украшенной затейливой резьбой, лезвие широкое и острое отражало лицо княжны. Горлунг, повертев кинжал в руках, нанесла иглой на рукоять маленький знак, который был не заметен при беглом осмотре кинжала. Довольно осмотрев дело рук своих, она, зажав лезвие между ладоней, долго шептала молитвенные слова, потом провела тонкими пальцами по острию кинжала, из едва заметных порезов потекла на лезвие алая кровь. Протерев кинжал тряпицей, княжна молвила:

– Ну, вот и всё, можно отдавать ему.

Горлунг по старой привычке звала Торина только «он», и никак иначе. Казалось, для неё не существует ни его имени, ни с таким трудом добытого им звания. Нет, так же, как и Суль, она не считала нужным называть его как-то иначе, князь был для неё безымянным, просто «он».

Смеркалось. Княжна отложила шитьё и молча смотрела в окно. Вечерний лёгкий ветерок, влетающий в комнату, трепал выбившиеся из косы пряди. Вскоре пришла Инхульд и принесла ужин для троих. Молча отужинав, они так же безмолвно расселись по лавкам. Вообще молчание в покоях старшей княжны было вещью естественной, казалось, что она, словно болезнью, заражала всех своей немногословностью.

– Инхульд, – внезапно позвала няньку Горлунг.

– Что, светлая? – недовольно отозвалась нянька.

– Нынче вечером отнеси ему кинжал, – не глядя на неё, сказала княжна.

– Ему? Конунгу? – боязливо переспросила Инхульд.

– Да, ему, – уверенно молвила Горлунг, – скажешь, что дар от меня, что на рукоятке вырезаны руны, приносящие удачу в охоте.

Нянька в ужасе смотрела на хозяйку, упав на колени, она цеплялась за подол одеяния Горлунг.

– Не губи меня, светлая княжна, самой матерью Фригг заклинаю тебя, пощади, – залепетала Инхульд, – конунг убьёт меня на месте за такую дерзость.

– Не убьёт, – спокойно возразила княжна.

– Убьёт, как пить дать, убьёт, – шептала нянька, – и придётся мне кончину свою встретить на чужбине далёкой, не губи меня...

– Не будет нынче смерти твоей. Это я тебе говорю. Ступай, – не обратив внимания на мольбы няньки, молвила Горлунг, – и передай всё, что я велела.

* * *

И вот, во время вечерней трапезы в гриднице князя Торина, Инхульд на подгибающихся от страха ногах стояла возле дверей трапезной залы, боясь войти. Она хорошо помнила скверный нрав отца князя Торина – конунга Борна Хмельного, славившегося жестокостью, помнила, как боялись домочадцы попасться ему на глаза, когда тот пребывал в дурном настроении. И вот теперь, моля богов, Инхульд твёрдо знала, что это последний день её жизни, ибо не простит ей князь такого нахальства – явиться от опальной дочери с даром, да просьбой прийти в случае удачной охоты за благодарностью. И все уверения Горлунг о том, что норны не оборвут нынче нити жизни Инхульд, последняя не брала в расчёт.

Собрав всю волю в кулак, тихо отворив дверь в гридницу, вошла Инхульд, опасливо поглядывая на князя Торина. Тот восседал во главе общего длинного стола, застеленного небелёным полотнищем и заставленного различными яствами. По обе стороны от стола стояли длинные резные скамьи, на которых сидели дружинники. В гриднице было шумно от весёлых воинов и душно от паров браги, выпитой ими.

Торин сразу заметил, что в гридницу вошла старуха. Прищурился глазами, смотрел он на приближающуюся к нему ссохшуюся фигуру. Князь не мог вспомнить, где он видел её раньше, ибо память редкого мужчины хранит воспоминание о той, кто его нянчил. Да что там! Князь Торин с трудом воскрешал в памяти черты лица той, кто даровал ему жизнь.

– Приветствую тебя, конунг Торин, – начала дрожащим голосом Инхульд, поклонившись правителю.

«Конунг» – это слово пробудило в его душе непрошенную грусть. Ведь Торин так хотел, так чаял быть конунгом, правителем на норманнской земле, а он... носит титул «князь» в чужой далёкой стороне. И тут внезапно князь понял, кто стоит перед ним, только тот, кто был из Норэйг, мог его назвать конунгом, выходит, это нянька Горлунг. И нехорошее предчувствие закралось в княжескую душу.

– Приветствую тебя! – рявкнул Торин.

– О, великий конунг, разреши мне молвить слово, – взмолилась Инхульд, сжавшись от грозного ответа.

– Молви, – также резко бросил князь.

– Светлая княжна Горлунг желает тебе, конунг, здравия долгие лета. Прослышав про знатную охоту, что собираешь ты, конунг, она шлёт тебе дар свой.

И Инхульд протянула князю Торину кинжал отменного качества, который был настолько хорош, что князь невольно залюбовался. Торин взял его, рукоять кинжала ловко легла в большую сильную ладонь, словно он был сделан на заказ по обмерам его руки искусным мастером.

– Светлая княжна Горлунг просила передать, что на рукояти кинжала начертана руна, помогающая при охоте. Руна начертана княжной столь искусно, что не всякому глазу будет видна, – торопливо заговорила Инхульд, – также княжна молвила, что с таким кинжалом ни один зверь от тебя не уйдёт, на скольких ногах он бы ни был.

– Передай Горлунг мою благодарность, – сказал приятно удивлённый князь. Он восхищённо глядел на традиционные норманнские узоры, украшающие рукоять кинжала.

– Конунг Торин, светлая княжна Горлунг испрашивает твоего позволения прийти к тебе после охоты, и узнать из твоих уст, помог ли тебе сей кинжал, – произнесла самые страшные слова нянька, те слова, ради которых и была она послана госпожой своей.

Князь Торин, разгорячённый брагой, которую отменно варила одна из рабынь, был, после полученного дара в благостном настроении. Кинжал радовал его глаз и сердце, норманнские узоры на рукояти воскрешали в памяти далёкие года, прошедшие в набегах, и, на диво самому себе, Торин на просьбу, высказанную нянькой дочери, ответил согласием. Хотя после очень жалел об этом.

Низко поклонившись, вышла Инхульд из гридницы, сама не веря тому, что осталась жива.

Глава 6

И настал тот великий и ожидаемый всеми день – прибыли в Торинград князь Фарлаф и княжичи Карн и Рулаф, в сопровождении многочисленной дружины.

Княжна Прекраса металась по своим покоям, словно зверёк, пойманный в силки, расставленные опытным охотником. Как тяжело далось ей ожидание, ибо терпение не было одним из достоинств княжны. Сколько раз она представляла встречу с княжичем Карном! Всякий раз живое воображение княжны рисовало ей встречу по-разному, неизменным оставалось только одно – Карн будет очарован ею с первого взгляда.

Но больше всего тревожило Прекрасу одно: а что, если княжич Карн не пригож собой? Если он некрасив? Как быть тогда, как жить с немилым сердцу супругом?

Накануне вечером князь Торин велел готовиться к завтрашнему пиру, который будет после приезда князей и княжичей. И как ни просила Прекраса отца посмотреть на приезд жениха, князь ответил отказом, да, ещё и бросил обидные слова:

– Прекраса, ты ведёшь себя, словно девка теремная, безродная. Я выбрал тебе жениха, значит, он достоин этого, я не могу ошибиться. На пиру ты будешь представлена князю Фарлафу и его сыновьям, а пока не до тебя и твоих глупых речей. Выдумала, встречать! Вот станешь женой и выбегай навстречу, а пока сиди в светлице и жди, как и положено девице. А то смотри у меня, дочь, я и передумать могу, запрещу тебе на пиру показываться и увидишь жениха впервые лишь на брачном пире!

Прекраса обиженно поджала губы, но спорить с отцом не стала, лишь тяжело и громко вздохнула, да ушла к себе в покой. Так лишилась княжна надежды узреть суженого пораньше, разрешить терзания душевные. Но верную подруженьку Агафьюшку, ведь не запретил князь послать, поглядеть на княжича.

И вот теперь княжна Прекраса не находила места. Нервно мерила она светлицу маленькими торопливыми шагами, а Агафья всё не шла и не шла. Видимо, не хорош княжич собой, раз так долго нет её, не хочет верная подружка расстраивать госпожу.

Наконец-то отворилась дверь в светлицу княжны и вбежала запыхавшаяся Агафья, видимо, торопилась к госпоже своей, бежала, и от этого выступили крохотные капельки пота на молочно-белом гладком челе прислужницы, несколько медно-рыжих прядей выбились из держащей их повязки, да и коса растрепалась.

– Ну, что же ты, Агафьюшка, так долго, я уж заждалась тебя, – капризно протянула княжна.

– Так княгиня Марфа работы много поручила, пока управилась, вот и сразу к тебе, княжна, побежала, даже передохнуть не успела, – дрогнувшим голосом, надув губы, молвила Агафья.

– Ну, Агафьюшка, ну, милая, прости, не со зла я ведь. Не томи душеньку мою, скажи, видела его? Каков он собой? Вняла ли Лада моим молитвам? – прошептала Прекраса.

– Ох, княжна, видела и его, и братца его младшего, – нарочито медленно проговорила подружка.

– Ну, и каков он? – нетерпеливо спросила княжна.

– Уж, не знаю, кто из них двоих княжич Карн, но оба брата хороши собой, пригожи.

– Пригожи? – переспросила Прекраса.

– Да, пригожи, хоть и не так, как наш Яромир, но всё равно приятной наружности, – заверила её Агафья.

– Не так, как Яромир? – разочарованно протянула княжна.

Яромир – мечта всех девок теремных, дочерей и жён простого люда Торинграда, был проклятием их отцов, братьев и мужей. Новый дружинник князя Торина настолько был хорош

собой, что невольно смотрели ему вслед шустрые девичьи глаза. А он, в свою очередь, зная, что одним взглядом светлых янтарных глаз покоряет девичьи сердца, был донельзя самовлюблённым молодцем. Казалось, что всё в нём прекрасно, и даже шрам, пересекающий левую щеку от виска до уголка пухлых, чётко очерченных губ, его только красит. Кроме всего прочего, Яромир был счастливым обладателем лёгкого влюбчивого нрава, во всех женщинах видел красавиц, каждой торинградской девице было счастьем пройти мимо него, ибо он не упускал случая и прижимал их к сильной груди, целовал устами медовыми. За что и прозвали его Любостаем местным, но, произнося это скорее ругательное прозвище, всё женское население Торинграда счастливо вздыхало. Да и сама княжна Прекраса смотрела издали на красавца Яромира и томно вздыхала, втайне надеясь, что и её суженый будет так же хорош собой.

– Княжна, Яромир хоть и красив, яко пламя, да только греет он многих, – назидательно сказала Агафья.

– Права ты, Агафьюшка, права, – протянула Прекраса.

– А жених твой и брат его сероглазые, русоволосые, статные молодцы, гордость любых родителей.

– Правда? – захлопав в ладошки, спросила Прекраса, – ох, милая ты моя, как же ты меня успокоила!

И, раскинув руки в стороны, княжна, смеясь, закружилась на месте, счастливая и довольная. Подруга её верная лишь головой качала, видя сие недостойное княжны поведение.

А потом принялась княжна мерить наряд, который будет на ней на пиру. Праздничное, шитое перлами да золотом платье нежно-розового цвета, подчёркивающее молочную белизну кожи Прекрасы, открывало у ворота сорочку белоснежную, тонкую, словно паутинка. Мягкие тонкие светлые сапожки из телячьей кожи выглядывали при каждом шаге княжны, показывая маленькую ножку. Венец из чистого золота, начищенный и блестящий, удерживал золотые волосы княжны так, что были видны усерязи, украшавшие виски. Пара золотых браслетов, шириной с мужскую ладонь, с изображением птицы Гамаюн, квадратные перстни, закрывавшие почти все пальчики княжны, завершали образ прелестницы.

– Ну, как я, Агафьюшка? – смеясь, спросила Прекраса, хорошо зная, что она красива.

– Хороша, ты, княжна, как никогда, – искренне завершила её Агафья.

И Прекраса, уверенная в своей неотразимости, с замиранием ждала завтрашний пир.

* * *

Княгиня Марфа сидела на ложе в своей одрине, готовилась к пиру, она уже была полностью одета для вечерней трапезы, но думы, терзавшие её, заставляли потерять счёт времени и не спешить в гридницу. Не каждый день приезжают сваты к единственной дочери, приезжают, чтобы забрать навсегда, в чужой дом.

Марфа, в отличие от Прекрасы, видела княжича Карна, и он ей понравился. Пригожий, статный молодец, весёлый. Но только беспокойно было материнское сердце, тревога его сделала.

Боялась княгиня за доченьку свою единственную, за то, как сложится судьба её во дворе князя Фарлафа, ведь именно там будут жить молодые, покуда не построен им будет свой двор, между владениями отцовскими. А сколько придётся ждать своего двора, не ведал никто, даже князя, ибо дело это не быстрое.

А покуда двор не построен, будет Прекраса жить в Фарлафграде, где хозяйкой княгиня Силье. Не любила Марфа жену князя Фарлафа, хотя хозяйкой та была отменной. В отличие от Виллему княгиня Силье дождалась мужа с чужих берегов в покое и здравии, и вместе с ним поехала на Русь. Будучи женщиной разумной, она приняла богов славян, с почётом встречала волхвов, и местный люд не оскорбляла. Но дом княгини Силье был тих и покоен, меньшие

жёны князя боялись её, помыкала Силье ими, словно рабынями. Ох, не то это место, где могла бы красавица Прекраса жить, не кручинясь, вольной пташкой.

Вот и боялась Марфа, что затихнет, замрёт Прекраса, не выдержит житья там, сломится её веселый дух, как сломилась некогда сама Марфа. Не будет более слышен весёлый чистый, словно звон колокольчиков, смех княжны, потухнут небесно-голубые очи, скроется чудный волос под повойником шитым, и ничем не будет напоминать жена княжича Карна прежнюю Прекрасу.

И так печальные мысли завладели княгиней, что не смогла она более находиться в одрине, и, накинув шаль на плечи, вышла во двор. Благо, что князья, княжичи, и почти вся дружина обоих князей были на ратном поле, смотрели на бои дружинников.

Княгиня, понуриив голову, медленно брела по дорожкам, размышляя о судьбе дочери. Настолько задумалась Марфа, что не увидела идущего навстречу дружинника, а его не заметить было достаточно сложно, ибо это был воин исполинского роста, с короткими седыми волосами (говорили, что они поседели не по годам рано, в первом бою), его нос, сломанный не единожды, был немного свёрнут в сторону. И только когда дружинник окликнул её, Марфа заметила его.

– Приветствую тебя, княгиня, – сказал дружинник.

– Здравствуй, Даг, – заливаясь румянцем, сказала Марфа.

– Что же ты так задумалась, княгиня, что даже меня не заметила. А незамеченным я был лишь однажды, – весело сказал Даг.

– Правда, и кто тебя не заметил? – спросила Марфа.

– Однажды слепой старец наткнулся на меня, – смеясь, ответил дружинник, – может, кто из дружинников князя Фарлафа обидел тебя, княгиня? Уж больно печальная ты идёшь.

– Да, нет, что ты, Даг, просто дочь единственную сватают, как тут не задуматься? – грустно сказала княгиня.

– Что ты, княгиня, о пустом думаешь? Раз князь Торин выбрал княжича Карна в супруге дочери, знать, достоин тот чести такой. Князь наш мудр, он не ошибается, – уверенно сказал Даг.

– Да, князь мудр, – склонив голову, прошептала Марфа, и, бросив последний взгляд, полный страсти, на Дага она пошла прочь от него, своего постоянного искушения.

А дружинник, поражённый, так и остался стоять, думая о том, не показалось ли ему, и был ли тот призывный взгляд, которым княгиня одарила его.

* * *

Князя же мудрого тоже терзали думы, и также невеселые. Вот потому и бои дружинные были ему не в радость, удовольствия не получал, глядя, как бьётся его дружина с воинами князя Фарлафа.

Торин вспоминал, как князь Фарлаф довольным взглядом обводил двор Торинграда, так, словно он здесь хозяин. Да и сам княжич Карн смотрел вокруг так, словно Торинград уже его, словно он, Торин, здесь лишь тиун какой-нибудь.

Торин покосился на стоящего по правую руку от князя Фарлафа Карна, княжич не сводил горящих глаз с воинов, что бились на потеху гостям высоким. Вот что значит не иметь наследника! И приходится свою землю отдавать мальчишке чужому, который ещё слишком молод, беспечен, он не оценит его землю. Как пить дать, не оценит.

Глава 7

Вечер выдался на удивление холодным, ветреным и каким-то серым, словно сами боги были против всего живого в тот день. Казалось, что наступила осень. Торинградский князь словно решил бросить вызов богам, устроил праздничный ужин такой, что не посрамил бы самого великого конунга. В гриднице был затоплен очаг, целое дерево весело полыхало, давая тепло всем сидящим за княжеским столом. Огонь окрашивал стены в желтовато-оранжевый цвет, заставляя вспомнить о недавнем солнышке, что пригревало землю.

Княгиня Марфа потрудилась на славу, Торин, сколько ни оглядывал гридницу, так и не смог найти какого-либо изъяна в приготовлениях хозяйки к пиру. Накануне вымытая дочи́ста трапезная зала казалось очень уютной и светлой, выскобленные деревянные стены были цвета чистого песка. Создавалось впечатление, что в стенах залы был маленький островок тепла и уюта, который так и манил гостей и жителей Торинграда.

За застеленным белоснежной скатертью столом собрались княжеские семьи и дружинники обоих князей. Во главе стола восседал князь Торин, одетый в четь праздничного пира в тёмно-синий кафтан, расшитый спереди золотом, на плечо левое небрежно накинуто корзно. Синие шаровары заправлены в сапоги из мягкой телячьей кожи, голову князя покрывала тёмно-синяя шапка, расшитая золотом, а по краю бобровым мехом.

По правую руку от князя Торина сидел князь Фарлаф – широкоплечий седой мужчина среднего роста с длинным крючковатым носом. Фарлаф был в сером кафтане и корзно, из-за этого он в неясном свете очага, казалось, был высечен из камня. Князь осматривался вокруг, стараясь делать это незаметно, не злить лишний раз Торина. Фарлаф прекрасно понимал горечь друга, его горе от отсутствия наследника, но в то же время ничего не мог поделать с собой – он радовался удаче, свалившейся на голову сына. Пусть сам Карн ещё не понимал этого, но Фарлаф, который знал, как тяжело построить град, не мог не оценивать будущие владения сына.

Далее за князем Фарлафом сидели княжич Карн и княжич Рулаф, удивительно похожие между собой, они даже одеты были оба в зелёные кафтаны, что привело к тому, что их все путали между собой. Русые волосы обоих были коротко подстрижены, серые глаза с любопытством взирали на всё вокруг. Единственным, что отличием братьев, было то, что щёки Рулафа ещё не утратили детской округлости.

По левую руку от Торина сидела княгиня Марфа в богатой шитой золотом ферязи красивого голубого цвета, и повойнике, который венчал широкий золотой обруч. Рядом с княгиней сидела Прекраса, вся бело-розово-золотистая, красивая, как никогда.

Княгиню и княжну редко приглашали трапезничать в гридницу, но сватовство делало их присутствие за столом желательным, особенно для княжича Карна.

Пир шёл своим чередом: князья вели степенную беседу о погоде, урожае и охоте, дружинники негромко (всё-таки за столом княгиня) переругивались, спорили и тут же мирились. Яромир шутил и задибался громче всех, привлекая внимание не только воинов, но и рабынь, разносящих блюда, они то и дело пытались подсунуть ему кусок побольше, но он во хмелю не замечал этого. Княгиня Марфа изредка бросала полные нежности взгляды на Дага, но тот не видел ничего, кроме кубка с брагой, он даже не замечал дружинных перепалок.

Княжич Карн довольно глядел на будущую жену: пригожа, что тут скажешь, услада для взора, много радости доставит её красота на ложе супружеском. И, увидев, как княжна поспешно отвела свой взор от него, Карн довольно улыбнулся.

А княжича Рулафа не интересовало местное веселье, все помыслы его теперь принадлежали княжне Прекрасе, ибо был он покорён ею с первого взгляда. И чёрная зависть по отно-

шению к брату терзала Рулафа, ведь именно Карну, рождённому на год раньше него, выпадет счастье иметь столь прелестную жену.

Сама же Прекраса осталась довольна внешностью жениха своего, ничего отталкивающего в нем не было, как и не было сияющей золотой красоты Яромира. А жаль, как жаль. Она стрельнула взглядом в сторону дружинников, где раскрасневшийся от выпитого Яромир что-то громко рассказывал соседям по столу.

– Княгиня Силье будет рада принять такую красивую дочь в доме, – довольно проговорил князь Фарлаф, – пока будем строить им двор, друг мой, Торин, твоя дочь станет нам родной и горячо любимой. Думаю, начнём строить со следующего травеня.

Марфа фыркнула про себя, не поверив, что холодная и надменная Силье сможет полюбить её дочь, но глаз поднять на князей не посмела.

– Да, ты прав, мой друг, как только сойдут снега, просохнут дороги, так и начнём возводить новый двор, а ты, Карн, собирай дружину, верных людей, на которых можно положиться в трудный миг. Наши с твоим отцом дружины не подвели нас ни разу, и мы теперь правители, так что запоминай и мотай на ус науку нашу, ведь оба мы тебе теперь отцами будем, – добродушно учил Карна Торин.

– Вот Карн и обзавёлся ты ещё одним отцом, – улыбнувшись, сказал Фарлаф – с такими родителями не пропадёшь.

Княжич Карн улыбался и кивал, не смея встревать в разговор отца и родственника будущего, в этот момент взгляд его упал через стол на свою наречённую, которой в тот момент блюда меняли. И поднял княжич взор на девку теремную, блюда разносившую, и присвистнул про себя от зрелища этого. Рыжая толстая коса спадала на плечо левое, молочно-белая кожа с россыпью легких веснушек, пухлые губы и глаза светло-карие, лукавые. Ох, и хороша же!

Агафья, почувствовав взор на себе чей-то, подняла глаза, и, увидев, как глядит на неё княжич, призывно улыбнувшись, пошла к выходу из гридницы. Возле двери она, словно случайно, обернулась, и послала томный взгляд неотрывно следившему за ней Карну.

Вот в этот момент и потеряла наречённая невеста для княжича былую прелесть, нет, он видел, что она красива чистой невинной прелестью, но мысли его занимала рыжая бесстыдница. И весь оставшийся пир думал Карн лишь о том, как заманить прислужницу в свою одрину, но так, чтоб об этом не прознали князья, ибо негоже жениху так вести себя в доме отца невесты своей.

А пир продолжался, дружинники из тех, что на ногах ещё держались, перешли от стола к очагу, и, рассевшись, слушали скальда князя Фарлафа. Бьорн Путешественник рассказывал им об одном из славных норманнских героев, из тех, что не страшились никакого врага, и из сечи доброй выходили без царапины единой. Его рассказ плавно переходил от битвы к битве, скальд приукрашивал легенду, заставляя слушателей внимать ему с открытым ртом. Даже славяне почтительно притихли и жадно ловили каждое слово Бьорна, уж больно интересно было слышать о чужой земле и странствиях смелого мужа.

В тот момент, когда скальд перешёл к рассказу о самой захватывающей битве, отворилась дверь в гридницу и вошла молодая женщина. Мало кто обратил на неё внимание: князь Фарлаф переговаривался с сыновьями, Марфа и Прекраса сидели молча, не отрывая взор от блюд, боясь не угодить Торину, дружинники слушали скальда. И лишь князь Торин неотрывно следил за приближающейся к нему худенькой фигуркой.

Князь отмечал, что старшая дочь по-своему красива, нет, её нельзя сравнить с Прекрасой, но ничего отталкивающего, неприятного взору в ней нет. Больно худа она, нет в её фигуре манящих округлостей, но зато держится гордо, будто хозяйка она здесь всем и всему.

Горлунг постаралась на славу и выглядела миловидной и даже хорошенькой: чёрные волнистые волосы длиной до пояса удерживались серебряным обручем, тем самым, что когда-то подарила ей Суль. Бордово-красное платье, расшитое чёрными нитками, плотно облегало худо-

щавую фигуру, подчёркивая тонкую талию, в ворота виднелась тонкая белоснежная сорочка, выгодно контрастирующая с кровавым цветом платья и смоляным волосом княжны. Чёрные брови казались мазками сажи на бледном лице, они плавно изгибались над чёрными глазами, беспокойными, жестокими, смелыми, зовущими... глазами его любимой Суль.

Сколько лет прошло, а этих глаз Торин не забыл и не забудет никогда, и вот такие же глаза у дочери, удивительно. Князю всегда казалось, что Прекраса чем-то похожа на жену конунга Ульва, золотыми волосами, белой кожей, хотя он всегда осознавал, что у Суль локоны немного темнее, а кожа редкого оттенка, словно светлый мёд. Но теперь Торин осознал, что самой привлекательной чертой в Суль были глаза, страстные, беспокойные, злые. И как ни смешно это было, но все его златокудрые наложницы, рабыни, так же мало напоминали Суль, как Марфа или Виллему. По-настоящему похожа на Суль была лишь Горлунг, и дело не во внешнем сходстве, нет, главное, что их роднило – это тёмная душа и жёсткий взгляд чёрных зовущих глаз.

А Горлунг смело смотрела на князя Торина, но душу её сковал страх липкий, противный, всеобъемлющий, она ожидала, что Торин выгонит её из гридницы, изгонит с позором, не даст даже слова молвить, и тогда ей придётся искать ещё какой-нибудь повод, чтобы её увидел княжич Карн.

Глядя на князя, Горлунг замечала, что он постарел с тех пор, когда она видела его в последний раз, это не могло не вызвать ликования в её душе. А ещё больше радости вызывало в ней то, что недолго осталось ему жить здесь, в подлунном мире. Она это знала, так же чётко, как то, что завтра будет новый день.

Заметив, что князь нахмурился, Горлунг собралась, словно кошка перед прыжком, и, поравнявшись с его креслом, громко молвила по-норманнски:

– Приветствую тебя, конунг Торин.

Князья, услышав родную речь, встрепенулись, переглянулись. Заметив это, княжна добавила:

– Приветствую тебя, конунг Фарлаф.

Фарлаф довольно кивнул, Торин последовал его примеру, оба они с интересом смотрели на Горлунг, не выказывая ни малейшего недовольства. От этого княжне показалось, что кровь побежала по её жилам быстрее, и оледеневшие от страха пальцы стали согреться.

Марфа испугалась, что появление старшей дочери может вызвать недовольство супруга. Она сжалась в комочек, и только заметив интерес, с которым Торин взирал на дочь, расслабилась и тоже посмотрела на Горлунг. То, что она увидела, успокоила княгиню. Старшая дочь не могла сравниться с её любимой Прекрасой. По-своему она привлекательна, но больно черны волосы, брови и глаза, чтобы быть красивой. Да худа, словно не кормят её совсем. То ли дело статная округлая фигура её Прекрасы. Но одно лишь преимущество было у Горлунг перед Прекрасой – осанка княжеская, гордый поворот головы, прямая спина.

Прекраса, лишь мельком взглянув на сестру, нашла её некрасивой: бледная кожа, без намёка на румянец, не то, что у неё, Прекрасы. Чёрные волосы, словно у рабыни хазарской, злые глаза. Не соперница она ей. Кто позарится на такую? Видно, век ей придётся куковать в покоях своих, лечить болячки девок теремных да воинов. Не то, что ей, Прекрасе, жить, мужем любимой.

Княжичи посмотрели на Горлунг без интереса, ибо все мысли их уже были заняты девицами местными.

И лишь князь Фарлаф понимал, о чём думает друг, глядя на дочь свою старшую, кого он вспоминает. Вот значит она какая, внучка жены Ульва Смелого, но нет в ней ничего от сияющей красоты бабки, миловидности матери, в ней много от отца: тонкий нос с хищно вырезанными ноздрями, прямой жестокий взгляд. Только глаза, кого-то они напоминают, но кого? Фарлаф не помнил, память его не хранила воспоминаний о прекрасных глазах Суль. И всё же, решил про себя Фарлаф, нельзя от Горлунг глаз оторвать, что-то заставляет смотреть на неё.

А Горлунг, посчитав, что поприветствовала всех, кто заслуживает этого, продолжила:

– ОТЕЦ, – четко и громко сказала она, – я пришла узнать, помог ли тебе дар мой в охоте прошедшей? Али подвёл тебя кинжал мой?

– Нет, не подвёл, – медленно сказал Торин, – благодарю тебя, Горлунг за него, уважила ты меня.

– Вот и славно, – довольно сказала княжна, – ну, позволь, конунг, откланяться.

– Ступай – милостиво молвил князь.

И только после этого взгляд княжны упал на княжичей, в отличие от остальных, она сразу поняла, кто из них княжич Карн. Княжич, с которым могущественные норны связали её судьбу. Посмотрев в упор на Карна, Горлунг отвела равнодушный взгляд от будущего супруга, и пошла к выходу из гريدницы. Дружинники, увлекшись рассказами Бьорна Путешественника, даже не заметили её визита в общую залу.

Глава 8

Пир окончился довольно поздно, гости засиделись допоздна, однако князь Торин остался доволен тем, как прошла трапеза. Князя и княжичи разошлись по одринам, дружины были размещены в дружинной избе, тем же, кому места в избе не хватило, расположили прямо в гриднице.

Хмельные дружинники спорили и переругивались, голос Яромира было слышно даже во дворе. Дозорные несли службы на забороле, им тоже сегодня в честь праздника были поданы блюда с княжеского стола. Всё было покойно во дворе Торинграда, но в душах его обитателей бушевали грозы.

* * *

Князь Торин, находясь в хмельном подпитии, решил удостоить жену ночным визитом. И войдя, с кубком полным браги, в её одрину, окинув взором спящую Марфу, присел на край её ложа.

Волосы Марфы, некогда густые и красивые, поседели и поредели, кожа на шее обвисла, она и раньше, по мнению Торина, не блистала особой красотой, но теперь он находил её просто отвратительной. Князя терзали мысли о том, что Суль, несмотря на возраст, сохранила красоту, и спустя десять солнцеворотов выглядела всё так же прелестно, как и в первую их встречу. А ведь на момент его свадебного пира с Вилемму ей было лет примерно столько же, сколько и Марфе сейчас, но разве можно их сравнить? Нет, и ещё раз нет. Ибо Суль исключительная женщина, почти богиня, а его жена просто баба.

И, осушив большими глотками кубок, Торин грубо схватил Марфу за волосы. Княгиня проснулась и в ужасе смотрела, как муж рвет на ней ночное одеяние. Муж, законный муж, которому и слово против сказать нельзя, которого сам Род послал ей.

* * *

Княжна Прекраса от волнения долго не могла уснуть, ведь сегодня она наконец-то увидела суженого. Ох, он обязательно будет добр и нежен, ведь так восхищённо глядел на неё! Хотя ближе к завершению пира мечтательный взгляд уже редко останавливался на ней. Прекраса нахмурилась, но никакие силы в подлунном мире не могли заставить её усомниться в своей привлекательности. Поэтому княжна пришла к выводу, что княжич Карн просто устал с дороги, да пир был долгий, утомительный.

И Прекраса продолжала рисовать в воображении красивые картинки будущего бытия, жизни мужней жены.

* * *

Княжичу Карну не спалось тоже, но, в отличие от наречённой, его воображение не рисовало ему картины счастливой семейной жизни, нет, ему мечталось совсем об ином.

Убедившись, что всё смолкло во дворе князя Торина, Карн вышел из одрины на поиск рыжей красавицы. Он не боялся, что кто-то его увидит, ведь разве не может человек ночью выйти в уборную? Тихо ступая, княжич шёл по пустым коридорам и покоям в поисках прелестницы, покоровившей его бесстыдным взглядом. Но её нигде не было, коридоры были пусты,

а из гридницы раздавался пьяный храп. Карн разочарованно вздохнул и развернулся, чтобы идти обратно в отведённые ему покои. Но в этот момент княжич увидел её.

Агафья стояла возле двери в ткацкую, перебирая пальчиками кончик косы. Увидев, что она замечена тем, ради которого пришла, девка теремная медленно пошла по коридору в сторону одрин.

Княжич её быстро догнал, и, зажав рукой рот, потащил в свою одрину, быстро, теперь уже боясь оказаться замеченным. Лишь только закрылась за ними дверь одрины, он выпустил Агафью, она, выражая притворное возмущение, жарко зашептала:

– Что это ты, княжич, делаешь? Как не совестно тебе нападать на девиц беззащитных в доме, где ты гость?

– Разве ты против этого? – улыбаясь, спросил Карн.

– Ага, против, меня же госпожа моя ждёт, – сказала Агафья, – невзлюбит меня за нерасторопность ещё.

– Как зовут тебя, красавица?

– Агафьей величают, – посмотрев на княжича лукавым, полным обещания взглядом, ответила она.

– А госпожа, которая ждёт тебя, это княгиня Марфа? – спросил Карн.

– Нет, княжич, это невеста твоя наречённая.

– И что, сильно тебя невеста моя ждёт? – лукаво осведомился княжич.

– Сильно, я же сказки ей рассказываю на ночь, без них она не уснёт, – улыбаясь, молвила прислужница.

– Сказки? – усмехнулся он.

– Да, сказки о добрых молодцах и прекрасных девах, – молвила Агафья с придыханием.

– И что же в сказках делают добры молодцы и прекрасные девы? – поинтересовался княжич.

– Что боги велют, то и делают, – уклончиво ответила прислужница.

– И что же, ты только в услужении у княжны находишься? – спросил Карн.

– Нет, княжич, ещё и княгиня Марфа даёт мне указания.

– Сегодня княгиня Марфа велела тебе быть здесь, – прошептал ей на ухо княжич, – разве ты не помнишь? Неужели запамятовала? Как нехорошо, придётся княгине пожалиться на тебя.

И с этими словами ладонь княжича легла на покатое плечо Агафьи, нежно поглаживая, а лицо склонилось к шее длинной, щекоча дыханием жарким. Она засмеялась и притворно испуганно зашептала:

– Ой, не губи, княжич, не жалуйся княгине, она ведь обязательно накажет меня за память плохую.

– Разве могу я такую красоту подвергнуть наказанию? Нет, не посмею. Мы – добры молодцы – народ жалостливый, – целуя её шею, шептал Карн.

И прижалась к княжичу Агафья всем телом, изогнулась в объятьях его сильных, подставляя лицо для поцелуев жарких.

А после, лёжа на плече княжича, укрытая лишь растрепавшимися косами, гладила Агафья тело Карна, заставляя его лишь сладко вздыхать и упрашивать:

– Приди ко мне завтра ночью, красавица.

Улыбалась она на просьбы эти, и знала, что придёт и завтрашней ночью, и следующими обязательно.

* * *

Княжна Горлунг сидела на ложе, глядя в оконце на луну. Полная она нынче, знак хороший. Да, только не помог он ей, не полюбил её княжич Карн с первого взгляда, ошиблась

Суль. Даже не глянул на неё сын князя Фарлафа, очарован Прекрасой проклятой. Почему так вышло? Ведь всё должно быть иначе. Она обхватила колени руками, вздохнула. Почему так вышло, почему? Где была ошибка? В чём она просчиталась?

Горлунг не находила ответов на эти вопросы, и это пугало её.

Но руны и ей говорили, что их судьбы с Карном связаны, что суждено ей снять с него сапоги в брачную ночь. Сам княжич вызывал у Горлунг лишь ледяное презрение, мальчишка, крови в бою не проливший. Не о таком муже она мечтала, хотя какая разница, какой муж, если он восседает на княжеском престоле? Но, видимо, не быть ей женой князя.

И так горько было от этого на душе княжны, что слезинки покатались по щекам её бледным. Столько лет ждала она этого дня, и он не принёс желаемого. Несправедливость жизни терзала Горлунг, словно угли горящие. Обидно ей было, что младшей сестре всё, а ей ничего, только покои дальние. Видимо, так и будет она жить, приживалка никому не нужная, никем не замеченная. Как же обидно всё это, как обидно! Несправедливо, ужасно несправедливо.

В этот момент раздался громкий стук в дверь, Горлунг вздрогнула от неожиданности. Вскоре она услышала, как Эввар ворчит и нехотя плетётся к двери.

– Чего надобно, окаянные? – спросил он.

– Впусти, раненый у нас, надобно, чтоб княжна поглядела, – раздалось из-за двери.

Горлунг быстро надела на сорочку платье из чёрной домотканой шерсти, то, которое не жалко и испачкать, повязала голову платком. Когда она вышла из одрины, два дюжих дружинника укладывали раненого воина на ложе возле окна.

– Прости, княжна, что разбудили, – сказал один из них, – нашего воина ранил дружинник князя Фарлафа.

– Что, брага пошла не на пользу? – хмуро спросила Горлунг.

– Ну, да только оба хороши были, – ухмыльнувшись, сказал другой – Яромир сам просил, чтоб его угомонили, так уж нарывался, что мы им даже мстить не стали, заслужил он. Эх, и задира же наш Яромир!

– Чем ранили-то его? – равнодушно кивая в сторону раненого, спросила Горлунг.

– Ножом, княжна.

– Ступайте, сделаю всё, что смогу, – пообещала она.

Дружинники ушли, а княжна, осмотрев рану Яромира, принялась её промывать да накладывать мази целебные. Она делала всё не задумываясь, шептала молитвы богам, чертила руны оберегающие, она смотрела на дружинника и видела лишь раненого человека, а не всеобщего любимца, красавца.

Глава 9

Наутро после праздничного пира, устроенного в честь приезда сватов княжны, князя Торин и Фарлаф сидели в гриднице, потягивая холодную брагу. Выпитое давешня давало о себе знать и оба князя страдали головной болью. Им было настолько плохо, что разговор не клеился, поэтому сидели князя молча, прикладываясь к кубкам, хмуро глядя по сторонам и надеясь втайне, что день сей невеселый для них скоро закончится.

Вдруг резко отворились двери гридницы, и дозорные ввели четырёх мужчин. С первого взгляда на них было видно, что это воины, сильные, тренированные и жестокие, прошедшие не один бой. Торин недовольно поморщился: только пришлых мужей ему сегодня не хватало!

На несколько шагов впереди остальных шёл высокий тёмноволосый мужчина, волосы которого были слишком длинные и темны для славяна, зелёно-голубые глаза под тёмными ресницами смотрели холодно и сурово. Лицо его украшала короткая тёмно-коричневая, почти чёрная борода, что придавало ему вид головника с большой дороги. Поравнявшись с князьями, он сказал по-норманнски:

– Хвала, Одину, конунг Торин, приветствую тебя, – голос его хриплый эхом раздавался в пустой гриднице.

Торин и Фарлаф обеспокоенно переглянулись между собой: второй день подряд слышать родную речь на просторах чужой земли было непривычно.

– Князь Торин, – сказал один из воинов, что нёс службу на забороле, – эти воины уверяют, что ты примешь их, будто знакомы они тебе.

Торин удивлённо смотрел на вошедших мужчин, напрягая затуманенную брагой память, стараясь вспомнить, видел он их ранее или нет. Но припомнить хотя бы одного из них Торин не смог.

– Приветствую тебя, незнакомец, хвала твоему богу Одину и моему Перуну, – хрипло ответил Торин, спустя некоторое время. Приняв в первый солнцеворот на Руси, славянскую веру, князь всячески подчеркивал это, даже много лет спустя.

Воин удивлённо вскинул тёмную бровь, но промолчал.

– Кто ты и зачем пожаловал на землю Торинграда? – спросил его Торин.

– Мое имя – Олаф Ингельдсон, я – сын конунга Ингельда Гудисона, прозванного Молчаливым, что много зим назад с тобой был в одном хирде. Помнишь ли ты своего старого товарища по походам?

– Неужели ты сын Ингельда? – удивлённо спросил Фарлаф.

– Да. Ты тоже знал моего отца, славный воин? – спросил Олаф, с интересом взглянув на князя Фарлафа.

– Я – князь Фарлаф, сын конунга Лидула, прозванного Жадным.

– Для меня честь встреча с тобой, конунг Фарлаф, – с уважением сказал Олаф.

– Присаживайся, отведай с нами трапезы, – предложил Торин, и после того, как тот сел на лавку подле него, князь кивнул дозорным, чтоб те уходили.

Кликнув девок теремных и велев им принести приезжему блюда, князь Торин наказал прислужницам разместить и спутников Олафа. И когда сын Ингельда отведал яств со стола княжеского, начали князя спрашивать его об отце.

– Расскажи нам, Олаф Ингельдсон, как поживает отец твой, конунг Ингельд, что творится на благословенной богами земле Норэйг, – спросил с жадным интересом Торин.

Оба князя еле дождались, когда Олаф утолит голод, уж очень не терпелось им узнать, как сложилась судьба старого товарища, того, к кому боги были столь благостны, что не пришлось ему искать удачи на чужой земле.

– Отец мой, – начал рассказ Олаф, – после того, как погибли его отец и братья, приехал в имение отца своего, конунга Гуди, и начал там править. У него одно из самых богатых имений в Норэйг, сам Тор благосклонен к нему, ибо все набеги, которые он снаряжал, приносили ему доход. У него есть наследник, который рождён от полной жены, а я признанный отцом сын от его болгарской жены.

– Ты из набега идёшь? – спросил Торин.

– Да, мои драккары стоят у берегов твоих, конунг, – ответил Олаф, – отец мой, прознав, что я собираюсь идти на Гардар, просил разыскать тебя и конунга Фарлафа, узнать, как живёте вы, и преподнести дар. Боги явили великую милость мне, я быстро нашёл ваши земли и встретил вас обоих.

И Олаф, окликнув одного из людей своих, взял из рук его два одинаковых тяжёлых, окованных железом боевых норманнских щита. Преклонив колени перед старыми друзьями отца, Олаф вручил им дары конунга Ингельда. Эти дары приятно удивили князей, заставили проникнуться к гостю истинной симпатией.

– Ох, и порадовал ты мне сердце, сын Ингельда, порадовал, – улыбаясь, сказал Торин, – позволь мне пригласить тебя и твоих воинов отгостить в Торинграде хотя бы седмицу.

– Почту за честь принять приглашение, конунг Торин, – ответил Олаф, – ибо накопилась усталость в телах воинов моих, давно мы не спали на тёплых матрацах, не ели вкусной пищи, а до дома ещё так далеко.

Так Олаф Ингельдсон стал желанным гостем в Торинграде и получил приглашение отгостить во дворе Торина, дабы в полной мере ощутить на себе славянское гостеприимство. Но, приглашая Олафа остановиться в Торинграде, князь Торин имел вполне честолюбивую цель – доказать Ингельду, что и в далекой стороне неплохо живёт его старый друг.

* * *

Горлунг сидела на лавке подле ложа, на котором спал раненный на пиру воин. Сон его был беспокойным, но достаточно глубоким, что не могло не радовать княжну. Это означало, что боги милостивы к этому красивому воину, вскоре Яромир должен поправиться.

Он совсем недавно нанялся в дружину князя Торина, поэтому княжна Яромира ещё ни разу не лечила, боги хранили его на ратном поле. Но несколько раз Горлунг видела издали его статную широкоплечую фигуру, слышала, как шептались об этом дружиннике девки теремные.

И теперь, глядя на Яромира, Горлунг начинала понимать, за что прозвали его «Любостаем»: он был действительно очень красив. Настолько пригож был Яромир, что даже холодное сердце княжны начинало биться сильнее, стоило ей взглянуть на него. Его не портил даже шрам во всю щеку, нет, казалось, он придавал ему особую прелесть, мужественность. Светлые волосы оттеняли загорелое лицо, полные губы были приоткрыты и обнажали ровные белые зубы.

Эввар, сидящий в углу, лишь качал головой, видя, что княжна слишком пристально смотрит на беспутного дружинника. А когда Горлунг, словно невзначай, провела тонкими пальцами по щеке Яромира, по белёсому шраму, рында лишь вздохнул. Не к добру всё это, не к добру....

В это время дверь в покой отворилась, и вошла одна из девок теремных вместе с высоким тёмноволосым мужчиной. Девка, не глядя на княжну, промолвила:

– Князь Торин велел, чтоб рука воина зажила.

Горлунг усмехнулась: князь велел, чтоб рука зажила. Вот оно, её положение: она такая же девка теремная, как и та, что привела дружинника, у неё лишь есть знания, что можно использовать во благо, а не было бы их, также с подносами да тряпкой бегала бы. И так Горлунг стало горько от этого, что, не удостоив воина приветствием, она кивнула ему на лавку подле стола. Девка теремная, увидев, что более не нужна здесь, со всех ног побежала из покоев княжны.

Олаф, подняв взор на целительницу, потерял дар речи. Ему казалось, что никого прекраснее он до этого не видел. В прошлом осталась его светловолосая жена, теперь не она властительница его сердца, и, глядя, в чёрные глаза Горлунг, Олаф понял, что пропадает, совсем, навсегда.

А княжна, не заметив волнения воина, равнодушно посмотрела на него. Волосы мужчины были ещё мокрыми после бани и топорщились в разные стороны, глаза сине-зелёные, холодные, словно вода морская, смотрели жёстко, ища, по мнению Горлунг, недостатки в ней. А их она знала и сама, чай не Прекраса, красотой немыслимой не блистала.

Указав ему место возле стола, Горлунг отрывисто сказала:

– Показывай рану, дружинник.

Олаф, неплохо знавший язык славян, пожил на стол правую руку. Она болела у него давно, после того, как он устроил кровавую резню в одной из славянских крепостей. Из той сечи он вышел целым и почти невредимым, лишь порез неглубокий был на руке, но день ото дня пустяковая рана болела всё больше и больше. Олаф уже отчаялся, не раз и не два гибли воины от таких мелких ран. И когда Олаф спросил князя Торина, нет ли у него во дворе знахаря, тот сказал, что его руку посмотрит Горлунг. Олаф, ожидавший увидеть старуху-целительницу, был приятно поражён, увидев молодую красивую женщину с прекрасными глазами. Про себя он решил, что это рабыня, и он попросит князя продать её ему, уж больно понравилась Горлунг сыну Ингельда.

Олаф уже представлял, что сегодня же выкупит знахарку и будет делить ложе этой ночью с ней. Улыбаясь, следил он за тем, как ловко движутся руки Горлунг, как опускаются её чёрные ресницы, когда она моргает, как причудливо скользит ткань домашнего грубого платья по тонкому стану стоит ей лишь повернуться в сторону.

Княжна, развернув грязную повязку, которой была замотана рука воина, увидела распухшую и покрасневшую рану. Покачав головой, Горлунг осторожно ощупала воспалённую кожу вокруг раны, воин вздрогнул.

– Надобно вскрыть рану, чтобы вышла хворь. Будет больно, но иначе нельзя, – сказала княжна.

Олаф кивнул. В тот момент, он позволил бы ей всё, что угодно, а она попросила лишь вскрыть рану.

Княжна достала из стоящего рядом сундука тонкий нож, тряпицы, котелок и миску. Налив из кувшина воды в котелок, она добавила туда пучки каких-то трав, после чего повесила котелок на специальный крючок над очагом. В миску Горлунг положила немного барсучьего сала, сухих цветов ромашки, тысячелистника и быстро смешала всё до образования кашицы.

Олаф глядел на её сосредоточенное лицо, хмурающиеся брови, тёмные полумесяцы ресниц, ему хотелось дотронуться до её косы: интересно, какая она на ощупь? Оглядевшись вокруг, он увидел, что покои обставлены скудно и бедно, платье на целительнице очень скромное, из самой простой ткани. После этого Олаф ещё более укрепился в мысли, что она рабыня. Но ничего, он разоденет Горлунг в шелка красные, голубые, золотые, только бы продал её Торин.

Тем временем закипела вода в котелке, и Горлунг, сняв его с огня, бросила в воду небольшую тряпицу. Расстелила на столе полотнище, положив на него больную руку воина, спросила:

– Готов?

Олаф кивнул. В тот же момент она быстро полоснула ножом по ране, затем ещё и ещё раз. Она наносила небольшие надрезы по всей руке, там, где было воспаление. Из ранок в том месте, где был порез и откуда пошла хворь по руке, начал выходить гной. Горлунг надавливала на края ранок, чтобы как можно больше гноя вышло. Когда из ранок пошла чистая кровь, княжна положила на руку тряпицу, смоченную в кипящем отваре, и меняла её трижды. Затем наложила на рану кашицу из миски, и, забинтовав чистой тряпицей, промолвила:

- Придёшь к вечеру, посмотрю на твою руку, наложу новую повязку. Только не забудь.
- Почту за честь, да благословят тебя боги, – молвил Олаф.

Княжна начала убирать тряпицы и нож в сундук, когда воин, дойдя до дверей, обернулся и спросил:

- Давно ты здесь, у князя Торина?
- Давно, шесть солнцеворотов, – удивлённо ответила Горлунг.
- Кто же учил тебя целительству?
- Бабка моя, – ответила княжна. Она не понимала, зачем новый дружинник князя задает ей эти вопросы.

– Как же ты попала сюда? Откуда ты родом? – вопросы сыпались из Олафа, как из рога изобилия.

– Я родом из Норейг. Князь приехал на родную землю шесть солнцеворотов назад и забрал меня у бабки, так я и оказалась на Руси, – повернувшись к сундуку, ответила Горлунг.

– Ты одна живёшь в покоях этих?

– Нет.

– Супруг твой счастливый человек, – протянул Олаф, его разочаровала мысль о том, что у Горлунг есть муж.

– Я не мужняя жена, – процедила сквозь зубы княжна, её нервировали вопросы воина.

– Тогда с кем ты здесь живёшь? Неужели ты княжеская наложница? – изумился Олаф.

Горлунг задохнулась от возмущения. Вот к чему привело пренебрежение отцовское, принимают её за рабыню! Уж Прекрасу точно за бесправную рабыню никто бы не принял.

– Я – княжна Горлунг, дочь князя Торина, – чётко произнося каждое слово, сказала она, – а живу я здесь со своей нянькой и рындой.

Олаф удивлённо посмотрел на неё и попятился к выходу из одрины. Княжеская дочь, да, не быть ей его, не отдаст конунг Торин ему свою кровинку. О, боги, как он мог так ошибиться?

– Прости, княжна, не подумал, – только и молвил сын конунга Ингельда, – не знал...

– Ступай, норманн, – гневно процедила Горлунг.

* * *

Вечером Олаф неслышно отворил дверь покоев княжны Горлунг. Незамеченный хозяйкой, он любовался её красивым профилем, гордым поворот головы, смоляной косой. А дочь Торина ошупывала лоб лежащего на ложе возле окна воина, и видел Олаф, как преобразается лицо княжны, глядя на раненого, как робкая улыбка касается её губ. Но стоило только Горлунг увидеть, кто пришел в её покои, как исчезла улыбка с её уст, словно и не было её мгновения назад. Ревность и злость ужом шевельнулись в сердце сына конунга Ингельда Молчаливого, но он не промолвил и слова.

Глава 10

Прошло несколько дней с момента приезда сватов к князю Торину, все дни проходили в развлечениях и пирах. Погода установилась тёплая, и, казалось, сами боги благоволят союзу Карна и Прекрасы: всё вокруг цвело, наполняя воздух ароматом свежей травы и благоуханием цветов, точно так же должна была расцвести любовь в сердцах наречённых. Однако Лада не одарила Карну и Прекрасу своей милостью.

Княжна недовольна была суженым: привыкшая с малолетства, что дружинники не сводят с неё восхищённых глаз, ловят каждое её слово, Прекраса была поражена равнодушием наречённого. Карн был к ней внимателен, почтителен, сопровождал её в конных поездках, прогулках по берегу речному, но глаза его смотрели холодно на княжну. Даже она понимала, что княжич не влюблён.

Чего только Прекраса не предпринимала: и одеяния меняла по несколько раз на дню, и песни пела про деву-лебедь, и сказки рассказывала о молодцах добрых, совершающих подвиги великие, да и просто заигрывала с ним. Карн безропотно слушал её песни и сказания, улыбался равнодушной улыбкой и не задерживал взгляд на своей наречённой. Что только раззадоривало княжну, привыкшую к поклонению. Но все старания Прекрасы были напрасны, и всё чаще плакала она тайком от того, что не жених у неё, а рыба холодная, не кровь у него в жилах течёт, а водица студёная.

Сам же княжич с нетерпением ждал ночей, слушая пустую болтовню наречённой, Карн вспоминал жаркие ласки Агафьи. Вечерами, сидя в GRIDнице рядом с отцом и братом, он нетерпеливо постукивал ногой об пол, моля, чтобы скорее все разошлись, и Агафья тайком пробралась к нему в одрину. Настолько полюбилась она княжичу, что Карн не представлял себе жизни дальнейшем без милой Агафьи. Влюблённые условились о том, что прислужница уговорит Прекрасу взять её с собой во двор князя Фарлафа. А там скоро и свой двор будет у княжича, где отведёт он Агафье покои богатые, и будет коротать в них ночи сладкие.

Вот и в это погожее летнее утро Прекраса решила поехать на прогулку верховую в тщетной попытке очаровать суженого, Карн и Рулаф сопровождали красавицу. Чтобы ей не было скучно с женихом и братом его, княжна решила взять с собой верную подруженьку. И будь Прекраса повнимательнее, обязательно заметила бы, как смотрит жених её на шустроглазую рыжую девку, и какими полными обещания взглядами та одаривает княжича. Но Прекраса не замечала этого, все мысли её были лишь о том, как разжечь любовь в сердце жениха.

Так и выехали они за заборол вчетвером, но ехать пришлось медленно, поскольку лошадь Агафьи была медлительной и старой, поэтому придерживали спутники своих резвых породистых скакунов.

Княжич Карн ехал по правую руку от княжны, даже не замечая прикрас земли, которая должна стать его. Карна не интересовало то, за что отец и его друг лили кровь, за что боролись, не щадя себя и своих людей. Княжич не хотел править, его не интересовало решение жалоб людских, приумножение богатства, ему безразличны были рассказы о сечах добрых. Он хотел просто жить так, как живет нынче, безопасной и беззаботной жизнью, ездить на охоты славные, посещать пиры хмельные, любить красивых женщин.

По левую руку от княжны Прекрасы ехал княжич Рулаф, окрылённый своей первой любовью. Он не сводил восхищённых глаз с Прекрасы, ловил каждое её слово. Стоило ей мельком взглянуть на него, как сердце Рулафа, казалось, пропускало один удар. Его терзала жгучая зависть к брату, наследнику отца, тому, кто будет обладать этой сияющей красотой. Каждую ночь Рулафа посещали сны, страстные, запретные, прекрасные сновидения, в которых Прекраса была его, она тянула к нему белые холёные руки, звала его, манила.

– Как солнышко пригревает нынче, – запрокинув голову, прошептала княжна.

– Да, погожий день выдался, – сказал Карн.

– Давайте поедem к речке, там за утёсом место красивое есть, там такие цветы растут! – предложила Прекраса.

– Давайте съездим, – равнодушно согласился Карн.

Рулаф изумлённо посмотрел на брата, разве можно на предложение столь красивой девицы отвечать так неохотно?

– Агафьюшка, ну, скажи же, что за утёсом прелестные цветы растут, такие, что не стыдно в венки самой Леле вплести, – обернувшись к прислужнице, сказала княжна.

– Правда чистая в словах твоих, княжна, – согласилась Агафья.

И Прекраса, победно улыбувшись, прищипнула резвую кобылу и, вырвавшись вперёд, быстро поскакала к заветному утёсу. Княжич Рулаф старался не отставать от княжны, и не шадил породистого скакуна.

Княжна, доехав до утёса, обернувшись, помахала рукой почти догнавшему её Рулафу, Карну, который отстал ненамного, и Агафье, которая была дальше всех. Обогнув утёс по речной воде, доходившей до колен её Ромашке, княжна въехала в небольшой лесок, быстро миновав его. Прекраса подъехала к полю, сплошь покрытому прекрасными полевыми цветами.

Княжна хотела спрыгнуть с Ромашки, но та не стояла на месте, а пританцовывала, перебирая копытами на месте, поэтому без привычной помощи рынды спуститься оказалось не так просто. И тут на поле въехал княжич Рулаф, и, гарцуя на скакуне, весело сказал:

– Загнала же ты, княжна, лошадь. Так быстро скакала, словно сами Навьи за тобой гнались.

– Ох, княжич, что за вздор ты молвишь, посмотри лучше, сколько цветов! Кажется, до самого видокрая растут, – восхищённо молвила Прекраса.

– Права ты, княжна, они красивы, – сказал Рулаф, не глядя на цветы, и окружающую природу, он не мог отвести взор от алых губ Прекрасы.

Заметив его голодный взгляд, смутилась княжна, решила спрыгнуть с лошади, ухватилась за седло рукой, но Рулаф был проворнее, и вот уже стоит он около Ромашки и протягивает руку ей. Снял он Прекрасу с седла, но не смог рук оторвать от стана её, и вспомнил сны свои страстные, где любила она его, Рулафа, а не брата старшего, жениха наречённого. И прижал Рулаф Прекрасу к груди своей.

А она смотрела на него, словно видела впервые, солнце золотило его русые волосы, глаза серые влюблённо смотрели на Прекрасу, так, словно одна в мире этом для него. Никто никогда не смотрел так на княжну, и не было у Прекрасы сил оттолкнуть руки, её обнимающие. После стольких усилий, приложенных к тому, чтобы Карн взглянул на неё так, по насмешке Лады, брат его не сводил с неё глаз влюблённых. Ах, как похожи два брата, хотя нет, Рулаф краше, милее брата старшего.

Рулаф понимал, что, может быть, это единственный шанс в его жизни, когда Уд послал ему возможность сорвать поцелуй с манящих губ. Убедившись, что не слышно приближения брата, Рулаф припал к устам Прекрасы, и она, растерявшись, не оттолкнула его. И счастливый, не отвергнутый княжич, прижал Прекрасу к себе, слепо шаря ладонями по её спине, поцеловал девицу со всей страстью, которая накопилась в нём за беспокойные дни.

А за утёсом княжич Карн, придерживая одной рукой лошадь Агафьи и своего скакуна, срывал сладкие поцелуи с её улыбающихся губ.

Во двор Торинграда они вернулись ближе к вечеру, счастливые, таинственные и довольные. Волосы княжны и её подруженьки украшали венки, а на губах играли загадочные улыбки.

Глава 11

В светлице Горлунг стояла гнетущая тишина. Идущему на поправку Яромиру безмолвие казалось тягостным, выматывающим и ненормальным. Дружинник, славившийся на весь Торинград весёлым и лёгким нравом, с трудом выносил угрюмое молчание, царившее в покоях старшей княжны. Он не чаял, когда, наконец, сможет уйти отсюда, безропотно терпел все перевязки ипил отвары, которыми поила его Горлунг. Лишь бы скорее оказаться среди дружинников бравых, девок болтливых, пиров весёлых.

Яромир недавно нанялся в дружину к князю Торину, и, несмотря на то, что был самым задиристым воином, раны свои ни разу не лечил травами княжны. Он слышал от других дружинников, что княжна Горлунг – целительница, но толком её ни разу не видел, издали мельком замечал фигурку в тёмном поношенном наверхнике, но в лицо княжну не знал.

В тот день, когда он очнулся, первым, что увидел Яромир, было лицо княжны, склонившейся к нему, чёрные брови хмурились, а глаза смотрели на него с беспокойством. Она была столь не похожа на всех женщин, что встречались Яромиру до этого, что он сказал единственное, что пришло на ум:

– Правы норманны: есть их рай, только стены и крыша иные.

Горлунг, решив, что раненый бредит, покачала головой: случай оказался тяжелее, чем она предполагала. Она ощупала горячий лоб дружинника и нахмурилась ещё больше: видимо, всё-таки не выживет.

Увидев, что она качает головой, Яромир спросил:

– Разве не валькирия ты, прекрасная?

– Я? Валькирия? – удивлённо спросила Горлунг.

– Да, ты, прекрасная дева, непохожая на женщин, подлунного мира дева.

Княжна рассмеялась, так её не называл никто и никогда. Привыкшая считать себя некрасивой, слишком отличающейся от других, она была польщена словами Яромира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.